

КРАСНАЯ НИВА

25

Подписку направлять в Главную Контору „Известий ЦИК СССР и ВЦИК“, Москва, 9, Тверская, 48.

Тариф на объявления в журн. «Красная Нива»: 1 страница—500 р., 1/2 стран.—250 р., 1/4 стран.—125 р., строка непарели—80 к.

Условия
подписки
на 1927 год.

12 мес.	9 мес.	6 мес.	3 мес.	1 мес.
8 р.—к.	6 р.—к.	4 р.—к.	2 р. 10 к.	—р. 75 к.

ПОЛУЧЕНЫ ИЗ-ЗА ГРАНИЦЫ

СЛЕДУЮЩ. ВЫПУСКИ ПОПУЛЯРНОЙ НАУЧНОЙ

БИБЛИОТЕКИ ГЕШЕНА

НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ. ЦЕНА КАЖДОГО ЗАКОНЧЕННОГО ВЫПУСКА 60 КОПЕЕК

ВЫПУСКИ ЗА №№:

97, 98 и 99. Гюртлер.—Текстильная промышленность. Ч. I, II и III; 170, 121. Гассак.—Товароведение. Ч. I и II; 173. Шваб.—Канализация и очистка аэраций; 174, 175 и 176. Юст.—Коммерческая арифметика. Ч. I, II и III; 178. Янцкий.—Железные конструкции; 179. Бетмап.—Калькуляция в машиностроении; 180. Шнайгер.—Электрические приводы; 181, 182 и 183. Фишер.—Столярные работы. Ч. I, II и III; 184. Массот.—Техстльно-техн. методы исследования; 189. Кноп.—Теория функций; 35, 36. Барт.—Паровые машины. Ч. I и II; 8. Юнкер.—Дифференциальное исчисление; 90 и 91. Фаузер.—Мелорация. Ч. I и II; 149, 150. Зальцман.—Фабр.-заводские постройки. Ч. I и II; 151, 152. Онит.—Плотничные работы. Ч. I и II; 168 и 169. Гипенталь.—Подвижной состав жел. дорог. Ч. I и II; 162 и 172. Нитгаммер.—Электрическое распределит. устройство. Ч. I и II; 164 и 177. Фишер.—Слесарные работы. Ч. I и II; 186. Эбергардт.—Автоматика; 187. Штерп.—Бухгалтерия; 188. Водскинд.—Стереохимия; 191. Роман.—Электрич. колебания; 153 и 154. Шиффер-Тохтерман.—Машиноное черчение. Ч. I и II; 127, 128 и 129. Цигеман.—Паровые турбины. Ч. I, II и III; 16 и 31. Кертинг.—Отопительные системы и вентиляция. Ч. I и II.

ВСЕГО СЫШЕ 150 РАЗЛИЧНЫХ ВЫПУСКОВ
ПОДРОБНЫЙ КАТАЛОГ ВЫСЫЛАЕТСЯ ПО ТРЕБОВАНИЮ

ЗАКАЗЫ И ПЕРЕСЫЛКА ДЕНЕГ
(МОЖНО ПОЧТОВЫМИ МАРКАМИ)
НАДЛЕЖИТ АДРЕСОВАТЬ:
КНИЖНЫЙ СКЛАД НКВД

Москва — центр, Кузнецкий Мост, 15.
Телефон № 2-07-56.

НОВЫЕ КНИГИ ПО БУХГАЛТЕРИИ

Необходимые пособия для каждого контролера, счетовода, делопроизводителя, секретаря, бухгалтера и хозяйственников.
Техника репизии книг и балансов. К. Пюрциг. Ц. 1 р. 25 к. Коммерческая корреспонденция. А. Вихлиев. Ц. 1 р. 25 к. Интересные случаи из бухгалтерской практики. И. Герстнер. Ц. 2 р. Фабричное счетоводство. И. Обербах. Ц. 2 р. 50 к. Двойная бухгалтерия. Ю. Кено-Репанд. Ц. 2 р. Как читать баланс. Т. Губера. Ц. 75 к. Как анализировать баланс. Р. Карпентер. Ц. 75 к. Дебет и кредит, как метод учета баланса. А. П. Рудановский. Ц. 5 р. Анализ баланса. А. П. Рудановский. Ц. 12 р. Принципы общества, счетоводства. Ц. 4 р. 50 к. А. П. Рудановский. Построение баланса. А. П. Рудановский. Ц. 75 к. Накладные расходы в производстве, их значение, классификация и распределение. И. П. Бутаков. Ц. 1 р. 25 к. Рационализация банковского счетоводства. Г. Томанек. Ц. 75 к. Калькуляция отдели хлопчатобумажной ткани. И. Ф. Бурова. Ц. 75 к. Заказы исполняются лозонепным платежом. Пересылка по действительной стоимости.
МОСКОВСКОЕ АКАДЕМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО: Москва, 9. Брюсовский пер., д. 10/1.

Объявления КУРСОВ помещаются в «Красной Ниве» на **Льготных условиях.**

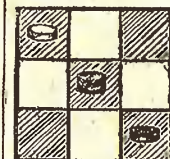
ДЛЯ ОВЛАДЕНИЯ НЕМЕЦКИМ ЯЗЫКОМ

не следует изучать его по устаревшим методам. Наилучшим признан новейший метод МЕРТ-ЦЕГЛА, изобретший от необходимости заучивания слов и правил.
Самоучитель в 10 выпусках высылается за 2 руб. 85 коп.
Москва, ул. Герцена, д. 9/2.
„Русско-Иностранная Книга“.

НА ГИТАРЕ

МАНДОЛИНЕ И БАЛАЛАЙКЕ можно научиться играть без знания нот. Общее руков. для трех инструментов. по цифр. сист. с пов. песнями, романс, и проч. высыл. наложен. платеж. за 2 р. 75 к.

НА ГАРМОНИИ (двухрядн.) самоучит. по той же системе с 30 музык. №№ наложения. платежом за 2 р. 75 к.
Адрес: «Русско-Иностранная Книга». Москва, ул. Герцена, 9/2.

Поступила в продажу новая книга

АЗБУКА ШАШЕЧНОЙ ИГРЫ

и 150 партий с ловушками цена 1 р.
КУКУЕВ СТО ШАШЕЧНЫХ
Этюдоев полюб. по изуч. шах. игры п. 1 р. Кн. пис. паз. из. без заглав.
Москва центр, Мохов, 15, кн. м. „Труд“.

К СВЕДЕНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ

прием объявлений и подписки ПРОИЗВОДИТСЯ
с 9 ч. утра до 8 ч. веч.
по субб. с 9 ч. утра до 5 часов вечера.
Отд. объявл. газеты „Известия ЦИК СССР и ВЦИК“.

АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО „ГАРМОНИЯ“
Москва, Центр, Покровка, 38/Г
Учред. Г. Н. ГОРГОВ
Фирма существует с 1884 г.
ГРОМАДНЫЙ ВЫБОР
Венские 2-х- и 3-х-рядные гармоны „баяны“.

„оркестр“. Хромат. гармоны „баяны“.
СТРУННЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ:
мандолины, гитары, балалайки, домры, бубны и барабаны, а также полное оборуд. неакустических оркестров. Полный иллюстрир. прейскур. высыл. за две 8-коп. марки, вложенные в конверт.
Главный склад и магазин № 1: Москва, Покровка, 38/П.

„БАСМА-ХЕЛЭ“ сразу окраш. волосы бров., рес., ус. в люб. цвет, не смыв. мылом 4—6 недель, не пачк. лица, платья, не отлич. в жизни от природн., безвреди. Коробка на год 2 р., полугод. 1 р. 20 к. Спец. праска для волос головы—3 р. Выс. налож. пл. Проба, руков. беспл. Москва, Кривоколенн. 14, кв. 3. А. ЗЫКОВ

ВЫЗЫВАЙТЕ упоминать для приема объявлений в газ. „Известия ЦИК“ и журналы „Красная Нива“ и „Новый Мир“ по телефону 5-44-26, 5-43-39 и 1-84-41.

У СЕБЯ ДОМА каждый может легко приготовить **ПРЕВОСХОДНЫЙ НЕФИР** из кефирных лепешек провизора Я. И. Александрова, разрешенных Наркомздравом Р.С.Ф.С.Р. Ленинград, Саперный, 5, кв. 6 Т. 540-92 пров. Я. И. Александрову

ОБЪЯВЛЕНИЯ

о сдаче и найме помещений, дач, а также о перемене квартир и компан
принимаются к печатанию в „Известиях ЦИК СССР и ВЦИК“ по РУБЛЮ СТРОКА

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ИЗДАТЕЛЬСТВА

ИЗВЕСТИЯ

ЦИК
СССР
и ВЦИК

ОТКРЫЛА ПРИЕМ ПОДПИСКИ
на второе полугодие (июль-декабрь) 1927 г. на:

БОЛЬШУЮ СОВЕТСКУЮ ГАЗЕТУ

ИЗВЕСТИЯ

ЦИК
СССР
и ВЦИК

(на 6 мес.—5 руб. 50 коп.)

Литературно-художественный иллюстрированный журнал

КРАСНАЯ НИВА

(на 6 мес.—4 руб. — коп.)

Литературно-художеств. и общественно-политический журнал

НОВЫЙ МИР

(на 6 мес.—4 руб. 50 коп.)

№ 25
19 июня 1927 г.

КРАСНАЯ НИВА

ПЯТЫЙ
ГОД ИЗДАНИЯ

Петр Лазаревич Войков, полномочный представитель СССР в Польше, убитый русским белогвардейцем в Варшаве 7 июня с. г.

Протест московского пролетариата

Слева — охрана польского посольства, справа — группа демонстрантов на ул. Воронского

В день 8 июня, когда в Москве прозвучало грозное эхо выстрела на вокзале в Варшаве, от которого пал полпред СССР в Польше т. Войков, сотни тысяч пролетариев ответили на этот подлый выстрел величайшим подъемом и воодушевлением, готовностью грудью встать на защиту пролетарского отечества.

Убийство т. Войкова — кровавое зелье цени, которой английские консерваторы пытаются скрывать первое в мире пролетарское государство. Убийство т. Войкова белогвардейцем Каверди — безусловно не случайно — оно связано с общим планом белого террора, который имел место в последние дни.

Были обнаружены также отдельные случаи порчи фабрично-заводского оборудования, при чем обследование устанавливает сознательную злую волю.

Ничто не сомневается в том, что за всеми этими преступлениями скрывается единая руководящая воля. И очень многое говорит за то, что нити всех преступлений сходятся в Лондоне.

Но вдохновители убийц и поджигателей жестоко ошибаются в своем расчете — подорвать мощь пролетарского государства, внести в ряды пролетариата растерянность.

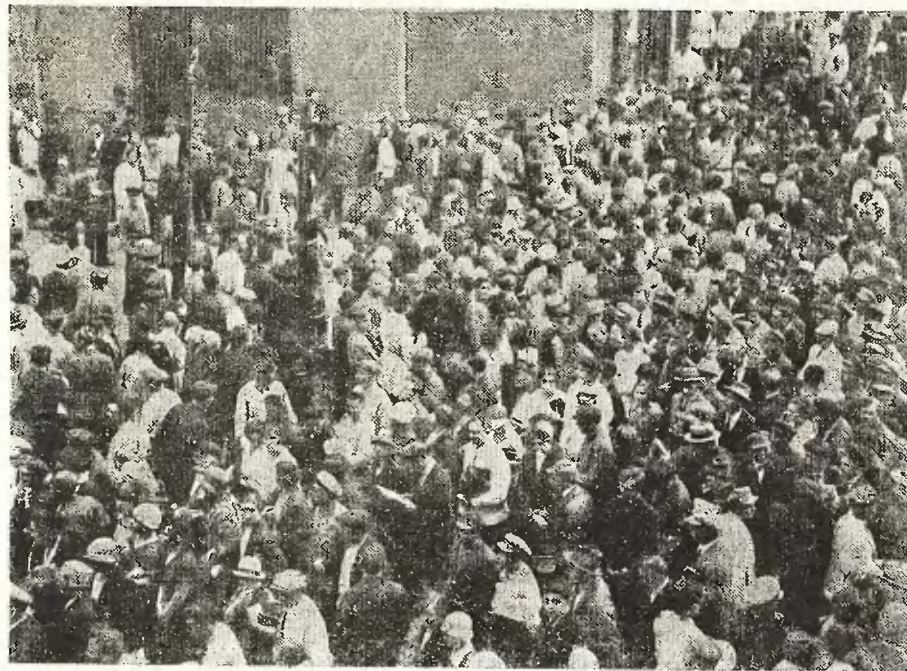
Весь Союз ССР при первой вести о надвигающейся опасности еще теснее смыкает свои ряды.

Бури негодования среди трудящихся СССР по поводу убийства т. Войкова усилилась и раз-

против попыток империалистов вызвать войну, клянутся приложить свои силы на предприятиях, в профессиональных союзах и массовых организациях к тому, чтобы установить общегерманский и международный единый фронт для борьбы против империализма, против попыток вызвать войну и за свержение власти буржуазии.

В Варшаве у гроба тов. Войкова свыше 20.000 польских пролетариев прошли мимо праха погибшего полпреда и демонстрировали свою скорбь и гнев вместе с русским пролетариатом.

Убийцы и их вдохновители просчитались: теперь с большим напряжением пойдет работа — двигать социалистическое хозяйство вперед, строить новые заводы и электростанции, развивать транспорт, усиливать производство товаров, и следить за каждым шагом классовых недругов

Демонстрации на улицах Москвы. — Митинг у Наркоминдела

Того же 7 июня, в 9 ч. 22 мин. вечера, были брошены две бомбы (одна не взорвалась) в партийный дискуссионный клуб в Ленинграде, при чем было ранено около 30 человек, в том числе несколько человек тяжело.

Одновременно в разных местах Союза обнаружены поджоги фабрик, заводов, военных складов и т. д. В конце мая в Ленинграде был подожжен огнесклад, при чем виновным оказался заведующий складом эстонцев Усилья, работавший по заданию эстонских агентов английского правительства. Еще раньше был совершен поджог завода в Дубровке, близ Ленинграда, при чем поджигателем оказался финн, работавший по заданию финских агентов английского правительства.

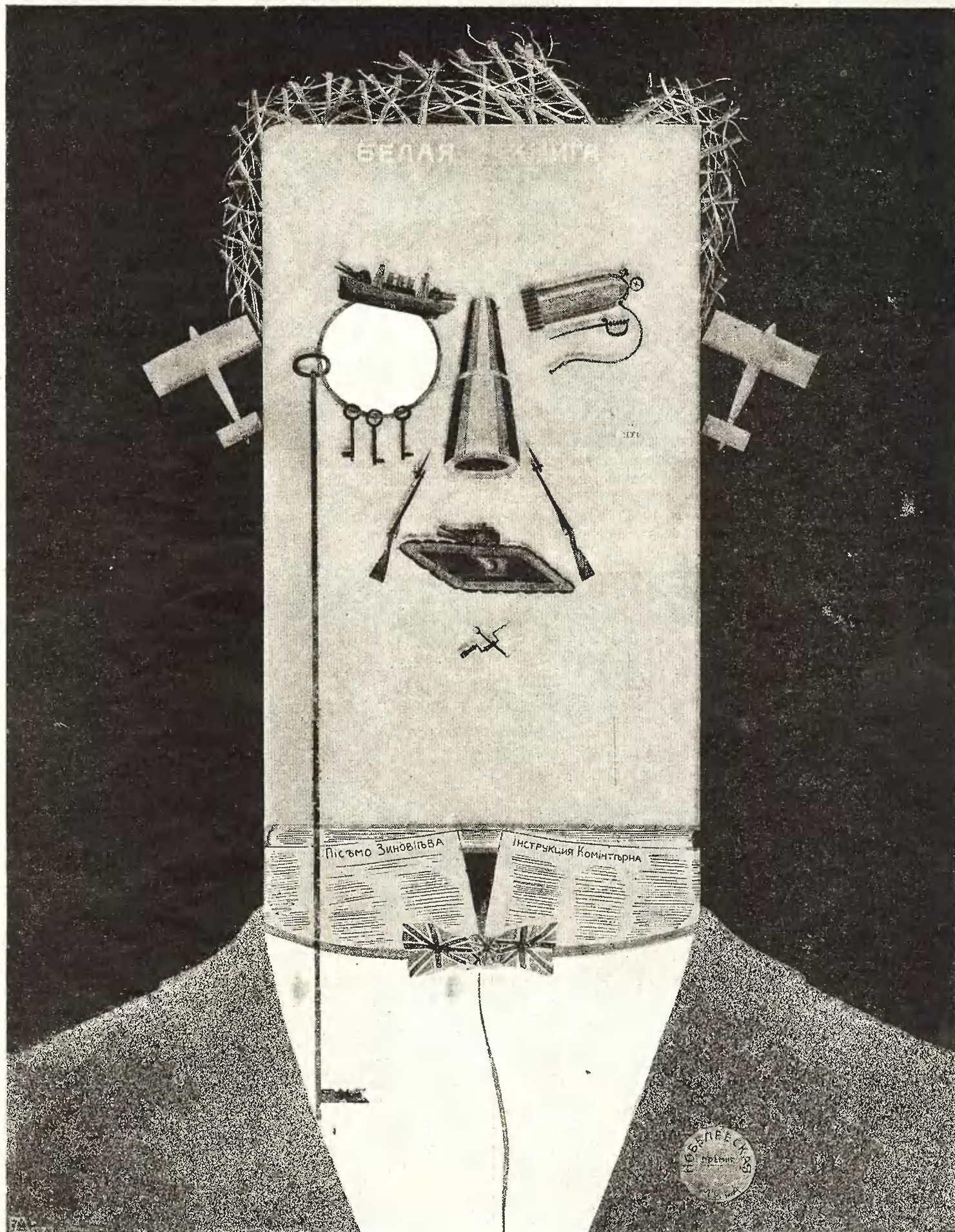
рослась в связи с правительственным сообщением о взрыве в Ленинграде и аварии под Минском. На многих предприятиях и учреждениях выносятся постановления об отчислениях на создание боевых эскадрилий, которые должны послужить лучшим ответом на козни западных хищников.

В Германии рабочие ответили на варшавский выстрел демонстрациями протеста. В принятых резолюциях отмечается, что варшавское убийство является новым доказательством стремления английского империализма спровоцировать войну против СССР. «Рабочие Берлина, — говорится в резолюции, — заявляют решительнейший протест

и всемерно укрепить обороноспособность красных республик, развивать военную промышленность, усиливать связь рабоче-крестьянских масс с Красной армией.

Пролетариат СССР в ответ на вызов империалистов сильнее сплотится вокруг своего правительства и партии и еще энергичнее будет работать над укреплением хозяйственной и военной мощи своего государства. И в этом великом деле его поддержит пролетариат всего мира.

Лицо консервативной Англии. Чемберлен, какой он есть

Флейта

Рассказ

Михаил Пришвин

Был в нашем уезде дуроломный князь, вы, верно, про него слышали: бывало, пьяный на своем коне к себе в спальню в'езжает на второй этаж, и раз этот самый ученый конь Арап доставил хозяина в земское собрание, и в'ехал князь в зал заседания на коне, как царь Иван Грозный в покоренный Псков. Через этот случай князь получил известность, во всех газетах это было описано под заглавием *Живая старина*. И понутал же чорт меня связаться с этим дуроломным князем: заарендовал я у него маленькую мельницу - колотовку, соблазнился местом из-за охоты. Говорят, сам Грозный сюда ездил: в одну сторону леса идут, и, хоть сотню верст, хоть другую отсчитай, все будут леса, облоги и пустоши, в другую сторону болота, никому недоступные, там, на островках, разводится всякая птица, всякий зверь, и временами выходят, вылетают в леса и на пустоши. Между лесами и болотами ручей бежит, и на ручью стоит моя мельница. Весной вся утка, весь гусь валят пад моей головой, осенью вся дичь рассыпается по кустам, по плесам, отдыхает, и какая жирная!—Убьешь одну штуку—и сала фунт, так и считаешь: фунт. Но у всякого охотника свое пристрастие, иной по волкам, иной по птицам, я любитель охотиться с гончей по зайцам. В то время, случись, издохши у меня от старости славный мой гончар-костромич. Туда-сюда повестил я, и скоро мне мужики привели польскую сучку, тоненькая, словно пружинка, и зовут Флей-

той. Поговорили, как водится, про собаку семь коробов, и что будто бы даже в княжеской охоте такой собаки не бывало, а хозяин ее убит на войне.

Было это дело осенью, вышел я в лес пробовать собаку еще при звездах: потому всегда рано выхожу на зайцев, что по утру они еще не крепко лежат, скорее подымешь. Пока

я переходил с княжеских мест на крестьянские, пала роса-узерка. Я люблю крепкую узерку больше даже, чем первую порошу, по ней следы зайцев тоже видны отчетливо, зелененькие по седому, а деревья стоят золотые, и собачий голос в одетом лесу мне приятный—ну, просто прелесть, как хорошо! Вижу я по узерке след: три лапы зайчих, а четвертая как-то ни на что не похожа, ни человечесья нога, ни коровье копыто, скорее лошадиная подкова. Так я подумал,—это чей-нибудь конь в зайчий след попадал, но промел по следу довольно, и нет—это лапа такая у самого зайца, в роде как бы лошадиная. Пустил я сучку по этому следу, и враз она зайца этого невидимо мне в густели подняла и залилась тонко и очень приятно, будто сыграла флейта в лесу. Диковинный голосок и сразу мне очень понравился. На первом кругу зайца я проморгал, или так уж он невидимо промел в густели—не привелось даже и поглядеть. Перебегаю поляну, становлюсь на другой круг. Флейта нажимает, ближе, ближе—нет зайца, а собака проходит сзади меня: значит, пока я ждал его впереди, он аккуратненько сзади

В это время поднялся огромный месяц под луговиной...

Тридцать верст проскакал, будто живой рукой за маниту держался...

меня в двух шагах прошел и не показал мне свою окаляющую лошадиную погу. Лес мне совсем незнакомый. Конь подвигается в неизвестную мне сторону, и я не могу, как ни стараюсь, не только убить, а даже и повидать косоного чорта. Затерялся я на кругах, раз-за-раз перекрутился вокруг себя, все на свете забыл, и какое время и где нахожусь, мне большая радость слушать собаку, только бы не бросала, а я своего добьюсь непременно и хоть убить не убью, а такого случая не бывало никогда со мной, чтобы не повидать гонимого зайца, если собака его гоняла весь день. Мне страсть стала поперек горла, чтобы повидать, узнать, отчего у зайца такая пога. Но замечаю—уже вечерние звезды показываются, и тут я опомнился: надо как-нибудь домой понадать или готовить почлег в лесу. Понес я наудачу по первой зеленой тропе, шел, шел, и открывается мне луговина без края, и по ней стога сена уходят в даль без конца, без счета. Я выбрал себе стог возле самого леса против просеки, омыл ямку для почлега и начал трубить, отзывая собаку. Сколько ни трубил, не подается собака, и слышу—парко так гонит и, кажется, прямо на просеку. В это время поднялся огромный месяц над луговиной и, как у него всегда бывает, сначала ходко пошел вверх, а потом остановился, будто опомнился, в свой вид пришел и засиял—вот как засиял, что мушкетеру совершенно видно, как днем. Вдруг сердце у меня упало: при месяце вижу—просекой лунит на меня этот самый заяц, летит, растет, растет, и когда на выстрел набежал, так и стрелять стало страшно: какой-то с теленка ростом, но уши и все обыкновенное, зайчье, правая же передняя лапа балда, просто пудовая здоровенная балда. Наждал я его близко, шагов на двадцать, навел, как на стену, и выпалил. Он сразу осел, подрыгал ногами и растапулся. А собака моя все нажимает и нажимает.—Что такое? Глянул туда, а просекой другой заяц бежит и опять прямо-хонько на меня. Я и с другим скоро управился, а там третий, четвертый. Стреляю, а они все бегут, и все стреляю, и все они бегут и бегут. Понимаю, наконец, это не просто все, и надо мне самому удирать поскорей: хотя сам и не верю в глупости, а тут потерялся. Бросился я от стога на луговину, а зайцы эти убитые за мной, который на двух ногах, который на трех, у которого ухо отстрелено, и у всех кровь капает, впереди же всех тот первый огромный с лошадиной погой, уши на небе, как тополя, стоят, дробинками все, как сито, пробиты, и сквозь ситники звезды блестят.

Теперь я все понимаю, к чему мне это показалось в лесу: было это мне к скорби. А я тогда ничего не понял и, как поутру очнулся на стогу сена, как услышал, что собака все лает,—до того обрадовался! Такой собаки у меня никогда не бывало, чтобы день прогоняла и всю ночь. Гляжу я, а заяц и вправду просекой бежит на меня. Убил я его, осмотрел: ничего особенного, просто у него давно была перебита передняя лапа и разрослась в огромную мозолину. Пока Флейта до меня добежала, я еще, не сходя с места, убил двух шумовых, да по пути домой, не моря собаку, свернул с лески двух русаков. Взвалил я все пять зайцев на плечи и парочку прохожу по княжескому двору, чтобы егеря знали наших, видели, какая у мельника собака.

Иду по двору козырем, хвост пистолетом. А вечером только сел и чай пить, входит ко мне княжеский егерь, выложил на стол двадцать пять рублей.

— Ну, ну, Михайло,—говорит егерь.

— Без тебя,—отвечаю,—знаю, что я—Михайло, чего ты пушукань?

— Ну, ну,—говорит,—князь твою собаку покупает, прислал деньги, давай собаку.

Поднялась из меня глубина: пушил я, пушил и князя и егеря. Но спокойно так, принукивая, дал мне егерь понять,—ежели деньги не возьму и не отдам Флейту, он сейчас только свистнет, и собаку силой возьмут. Так и приказано, если мельник не отдаст, взять силой собаку, а самого гнать в три пети с мельницы. Стало мне на душе мелко, неприятно, упрашивал я, даже о стену головой стучался, ревел... Егерь знай свое бормочет, как тетерева: «пу», «пу». Он из латышей был, упрямый. Так вынул из меня душу, на кой же чорт мне без собаки и мельница. С этого вечера завиштил я на всю зиму без просыпа.

Очнулся я ранней весной, когда на снегу только-только забормотали тетерева. Слышу—все говорят: «революция, арестовали царя». Не будь этой обиды с собакой, ничего бы со мной и не было, потому что по природе я тихий человек и верил в постоянство: солнце, к примеру сказать, постоянное, а ветер непостоянный, солнце ветры всегда перемогает; и в человечестве тоже, казалось мне, существуют цари, князья, образованность, это все постоянное, без этого нельзя, а что разные бунты, то это, как ветер, переходит, сделает свое дело сеятель, посее, а потом работает солнышко. Об этом мы, бывало, много спорили с одним моим приятелем.

лем, Семеном Демьянычем—он мастеровой человек, в Сибири на каторге страдал за политику и сейчас жил, только одной картошкой с манипным маслом питался.

— И солнце,—говорит он, бывало,—тоже, движется.

— Слышал,—отвечаю,—и солнце, и вода трепещется, а все-таки приятней нам всем бывает, ежели ветер стихнет и воды лягут.

— Тебе бы только приятней,—скажет Семен Демьяныч,—не в приятности дело.

Я это очень даже хорошо понимал, что не в приятности, и Семена Демьяныча за то уважал, но что же мне делать, если натура у меня такая: сам я тихий человек, робкий, на людях сам себя скоро теряю, а в сторонке живу хорошо.

Но пришла и мне, тихому человеку, пора заволаговаться, как услышал я, что революция произошла, и царь арестован, поднимись и во мне этот ветер из-за собаки, конечно, и прямо я к Семену Демьянычу в город на совет. Выступал он меня и так говорит:

— Тебе бы, Михайло, надо на платформу стать.

— Что ж,—отвечаю,—станови!

— Ладно,—говорит,—придет время, станем, а вот тебе мой совет: по-го-ди.

— Для осторожности? — спрашиваю. — Это хорошо, только на этой платформе я всегда стоял, покойная платформа, да вот только собаку у меня отняли.

— Это хорошо,—говорит,—что у тебя ее отняли, хоть мало-мальски стал сознавать. Нет, за меня ты не беспокойся, я не для осторожности тебе это говорю, а потому, что наше с тобой время еще не пришло. Что бы тебе ни говорили—не верь, как бы ни ласкали—не отвечай, и может быть и собаку назад отдавать будут—не принимай, мы ее сами возьмем. По-го-ди!

Умнейшая голова у Семена Демьяныча, как сказал, так в точности все и вышло. Никаких перемен в нашей де-

ревенской жизни поначалу не было, жили, все равно, как и птицы при царе, а все-таки в конце концов и дождался: представили князьям *видварительную*, чтобы в двадцать четыре часа вон, и с собой воз мебели. Уехали князья, и началась какая-то путаница с переборами, какие-то чужие люди показались издали на телегах, живут при дороге, в парке, слетелись, как вороны на падаль.

Сменило теперь подумать о себе, какая в душе моей жила все-таки осторожность: собака моя собственная Флейта живет на барском дворе, и царя нет, и князей нет, а я все опасаясь пойти и просто взять свое. Будь, конечно, люди вокруг, и я бы другой был, а то какие люди; знаете, как у нас: мужик скажет: «в чорта не верю», а в сумерках побоится в овин сходить, сами лезут грабить, а сами же перешибаются, будто князь по саду ходит и говорит: «все грабьте, оставьте только веревки вас перевешать». Понимаю теперь и свои сомнения: хотя Семен Демьяныч и страдал, но ведь Христос еще больше страдал, и все-таки до сих пор от этого не перевелись ни книжники ни фарисеи.

День ото дня однако все тревожней становится, и в себе чувствую в роде как бы приказ: «не зевай, Михайло!» Собрался я в темную глухую ночь, прокрался на собачий двор, сгреб Флейту, и на коношню, в стойло, где стоит тот самый знаменитый Арап, на котором князь в'ехал в земское собрание. И только-только вскочил я на Арапа, слышу—начинается грабеж, валит народ в барский двор. Держу я Флейту в одной руке, на луке, в другой повод, и умыть и умыть! Тридцать верст проскаки, оудто живой рукой за молнию держался. Сказал зятю: «Спирячь, держи, чтобы ни одна живая душа собаку не видела». Сдал Флейтушку, и опять умыть назад.

И когда я увидел, как все грабят княжеское добро,—я гвоздя не взял. И кони возвратил. Я охотник, ничего мне чужого не нужно, а свое задушевное себе я вернул.

МАХМУД-ЭФФЕНДИ

Яков Гордин

Мы грузим шерри бренди
Через горло, сладкий груз.
Вдруг в кафе вошел эффеңди,
Горбонос и черноус.

На лоб—фес. Бела обайя ¹⁾.
Словно крылья рукава.
Сабля звякает кривая
И обрита голова.

Сел, под грохот барабана
Тянет спирт, а не вино.
Почитателю корана
Пить вино запрещено.

И под зов золотострунь,
На эстраде, залита
Яркой радугой, плясунья
Пляшет ташец живота ²⁾.

Чарованьями насытись,
Мы отводим угли глаз.
А эффеңди, смуглый витязь,
Смотрит пристально на нас.

Улыбнулся. Рюмку вскинул
В знак приветия выше лба.
Стул свой к столику придвинул
И воскликнул: «Мархаба!» ³⁾.

Отвечам мы:—«Кеф-ха-лик!» ⁴⁾.
И пестрест, что ковер,
И плывет, как утлый ялик,
Быст фовтаном—разговор.

Представляемся:—поэты,
Дети северной страны.
Кроме блуз, на нас надеты
Европейские штаны.

— Айва! ⁵⁾—молвил черноусый.
И, стреляя прямо в цель,
Нам гортанит:—И, урусы,
Старший дворник!—Неужель?

Горбонос. Бела обайя.
Словно крылья рукава.

Сабля звякает кривая
И обрита голова.

Старший дворник! Тот с затылка
Непохож до самых нит.
В скобку волосы. Бутылкой
Салопи. И толстый зад.

Старший дворник! Врешь, молодчик!
Только мы не терпим лжи!—
Переводит переводчик,
Сливоглазый кафеждик:

— Старший сторож!
— В самом деле?

Или путасешь, балбес!
Знай, не верим. Обалдели.
А эффеңди—за эфес.

А намерен слышим громы
Медной музыки вдали.
Кто-то конный и знакомый
Целый полк ведет в пыли.

И, признав почного денди,
Узнаем от мусульман:
— Это сам Махмуд-эффеңди,
Яффеңской стражи атаман!

¹⁾ Плат.

²⁾ Восточный танец.

³⁾ Арабское приветствие.

⁴⁾ Ответное приветствие.

⁵⁾ Хорошо.

Вагонная ночь

Рассказ

Дмитрий Сверчков

Инженер Перелетов, в сопровождении носильщика, вошел в спальный вагон прямого сообщения. Проводник взял у него плацкарту, открыл купе и указал на место № 15. Расслабившись с носильщиком, Перелетов снял пальто, повесил его у двери на бронзовый крючок вешалки и, облегченно вздохнув, сел на диван с приятным сознанием, что теперь не о чем больше хлопотать, что завтра он будет дома и вновь займется привычной спокойной жизнью в знакомой до мелочей обстановке. В кармане попалась длинная бумажка, вся испещренная перечнем покупок, которые нужно было сделать в Москве для жены и для знакомых. Почти весь список был перечеркнут; это обозначало, что многочисленные поручения исполнены. Перелетов вспомнил, как много пришлось потратить времени для розысков материи по даншим образчикам, как трудно было разобрать, к какому заказу какие образчики относятся, и радостно подумал, что почти все — в пределах человеческой возможности — сделано.

Переход от пред'от'ездной суеты к полному покою был слишком резок. В мозгу еще мелькали остатки только что окончившейся спешки, и тело не мирилось с тем, что больше заботиться не о чем и торопиться некуда.

Перелетов посмотрел на часы. До отхода поезда осталось 10 минут. В коридоре вагона, спеша, ходили пассажиры с вещами, в купе долетали обрывки разговоров, последние распризнания. Перелетов наблюдал и думал, как смешны все эти люди и как много пережитков старого в этих прощаниях, поцелуях, советах и обещаниях, которыми обмениваются между собой уезжающие и остающиеся.

Вдруг в купе Перелетова вошел носильщик с чемоданом, саквояжем и двумя деревянными коробками, а вслед за ним впрорхнула молоденькая дамочка в модном пальто и низкой шляпке, из-под которой выдавался вздернутый носик. Сверкнув на Перелетова красивыми глазами, она спросила:

— Будьте добры. Место № 16 здесь?

Перелетов нахмурился.

— Да, здесь.

Носильщик вскинул чемодан и коробки наверх. Саквояж она приказала оставить внизу, на кресле у окна.

«Вот, че было печали! — думал со злобой Перелетов. Принесло ее в мое купе! Ни отдохнуть, ни спать спокойно не удастся».

— Провожающие... Второй звонок. Две минуты осталось... — раздался в коридоре голос проводника.

Перелетов вышел из купе, подошел к выходу из вагона и обратился к проводнику:

— В мое купе какую-то даму посадили. Нельзя ли в другое перейти?

— К сожалению, все места заняты, — ответил тот.

— Чорт знает, какая неудача! — проворчал себе под нос Перелетов.

Посад тихо тронулся с места, но сейчас же начал развивать скорость. Платформа с ее толкотней осталась позади.

Перелетов вошел в купе. Дамы раскрыла сумочку и, держа ее одной рукой, пудрилась перед зеркальцем, вделанным в крышку.

— Нам, вероятно, придется пробыть вместе до завтра, — сказала она. — Я вас не стесню? — и лукаво улыбнулась.

Перелетов заставил себя ответить вежливым тоном:

— Нет, что вы...

— Я очень люблю свидеть с интересными людьми, — сказала она. — К сожалению, это так редко случается... — и бросила на Перелетова взгляд, показывающий, что на этот раз это случилось.

— А вы часто ездите? — неожиданно для самого себя спросил Перелетов.

— Да. Мой муж служит в Москве. Бедный, он так занят, что ему даже провоять меня некогда. А мать живет в... — она назвала тот город, в который ехал Перелетов. — Я так недавно рассталась с ней, выйдя замуж... Как я плакала! И Васильку — это мой муж — сказала, что буду его женой, если он поклянется меня часто отлучать в гости к матери. Иначе отказываюсь категорически... Он меня так любит. Согласился, хотя это тяжело для него. Он без меня так скучает...

Перелетов не мог определить, говорит ли она это по детской еще болтливости или в этом надо видеть прием уже опытной кокетки. Однако случался с удовольствием, отменив мягкий красивый звук ее голоса и милое оттопыривание нижней губки, как у недовольного ребенка.

— Раз судьба свела нас вместе, разрешите вам представиться, — сказал он, вставая и протягивая ей руку. — Я — инженер Перелетов.

Она мягко, но сильно пожала его руку и ответила:

— А я — Мария Николаевна Добровольская. Это по мужу. А по-настоящему — Филонова. Вашу фамилию я слышала. Вы работаете в совнархозе?

— Да. Еду домой после двухнедельной командировки в Москву.

— Вот видите. Мы — земляки, из одного города. Я как только увидела вас, сразу почувствовала, что мы — свои люди, познакомимся и будем друзьями. Хотите? Только кратковременной дружбы я не признаю.

— С большим удовольствием, — ответил Перелетов. — Но ведь вы меня совсем не знаете!

— Это ничего не значит, — быстро перебила она. — Я угадываю людей с первого взгляда. И никогда не ошибаюсь. Вот и мужа моего сразу определила. У меня с ним договор: полная свобода и для него, и для меня. Правда, он все время говорит, что ему эта свобода теперь не нужна, но я настаиваю. Не могу себя чувствовать связанной чем-нибудь, не могу, не могу и не могу.

Она говорила быстро, размахивая в такт маленькой рукой с красиво отделанными ноготками.

Перелетов был заинтересован, но совершенно не знал, как себя держать. Несмотря на то, что ему было уже под 40, он имел очень мало опыта с женщинами, и никогда не мог угадать, чего им хочется, боялся показаться смешным или вдруг нарваться на отпор и обиду при сколько-нибудь смелом слове, не говоря уже о поступке. Она ему начинала нравиться, ее беззаботное щебетанье его развлекало. Он отнес ее к категории куколок, любящих поболтать на рискованные темы, но далеких даже от намека на нарушение супружеской верности. Однако он невольно чувствовал раздражение против какого-то «Василька», — как она называла мужа, — который имел возможность целовать эти милые пухленькие губки, которого обнимали эти точеные ручки...

— Ой, как жарко, — сказала она, встала с дивана и сняла пальто. Перелетов подхватил его и повесил рядом со своим. Она осталась в голубой шелковой блузке, плотно облегающей стройную грудь, сняла шляпку, поправила светлые волосы, связанные толстым узлом на затылке.

— Я не стриглась, как другие, — сказала она. — Мне не нравится. Стриженная голова придает женщине зазорный, мальчишеский вид. А мне говорят, что я и без того слишком зазорна. Правда?

Перелетов промолчал, не зная, что ответить. Он посмотрел на ее маленькую ногу в изящной туфельке, на шелковые чулки, сквозь которые заманчиво просвечивало тугое тело, но быстро отвернулся и подумал, что эта поездка будет для него не из легких.

Вошел контролер в сопровождении кондуктора и спросил билеты и плацкарты. Перелетову казалось, что и контролер, и кондуктор, и проводник, и заглядывавшие в купе пассажиры смотрят на него с завистью. «Вот, подцепил!» — вероятно, думает каждый из них. Невольно пришло в голову, что, пожалуй, всякий из пассажиров охотно поменялся бы с ним местом, чего он так желал, когда она только что вошла в купе. Но теперь он не согласился бы на такой обмен. Счастье для нее, что судьба послала ей в попутчики его, Перелетова, скромного человека, который умеет относиться к ней с уважением. Другие, наверняка, держали бы себя с ней слишком вольно. А ее доверчивость, наоборот, требует братского, внимательного и чистого к ней отношения.

Обедать пошли в вагон-ресторан. Заняли маленький столик в отделении для некурящих. Перелетов видел направленные отовсюду на его спутницу жадные и завистливые взгляды. Может быть, они все думают, что он ее муж или любовник. Пусть. Тем больше причин ему гордиться, что она избрала из всех именно его, неуклюжего, сутуловатого, с большими руками, которые ему самому напоминали крылья летучей мыши и потому казались удивительно некрасивыми.

И он входил в роль близкого ей человека, разговаривал, ласково наклоняясь к ней, а когда, окончив обедать и выпив по чашке кофе, они встали, взял ее под руку и вел, держась близко.

Перелетов любил смотреть в окно вагона и наблюдать природу и жизнь маленьких станций, мимо которых, не останавливаясь, пролетал скорый поезд. Теперь он с удивлением заметил, что наступает вечер, что со времени от'езда из Москвы прошло уже шесть часов, а он не знал, какие станции проехал и где находится.

Она говорила без умолку. Рассказала про свою жизнь, про лишения, которые испытала во время голодных лет, но даже ужасы гражданской войны в ее устах не казались страшными, и о них она говорила так же беззаботно, как о прочитанном недавно рассказе.

снимок изображает разрушения в одной из комнат в доме по Мурбетстрит, где полиция искала документ международного значения. Обыск производился с особой тщательностью: комнаты «обследовались» от пола до потолка. * 4. Французская эскадра в Англии.

Перелетов теперь мучился одной мыслью. Ему казалось, что она еще ребенок, что, хотя и вышла замуж, но между ней и мужем не может быть близких отношений. Вероятно, она еще девушка. Он вспомнил, что читал какой-то роман, в котором жена сделалась фактически женой своего мужа лишь спустя несколько лет после брака. И в данном случае дело должно обстоять именно так. Он ставил себя на место мужа и чувствовал, что ни за что не мог бы решиться на физическую близость с ней, еще такой невинной, совсем девочкой. Он пытался прочесть это по ее глазам, таким незнающим прозы жизни, таким непохожим на глаза все испытавшей женщины. Ему хотелось спросить ее об этом, но он холодел от мысли, что можно задать такой вопрос, хотя бы в самой инсказательной форме.

Вспыхнуло электричество. Досадно. В начинавшихся сумерках так уютно было сидеть, полумрак создавал атмосферу большей интимности и близости между ним и ею. А свет все рассеял, и теперь он стал дальше от нее, как будто вместе с полумраком исчез невидимый мостик, по которому они, разговаривая, общались, кроме слов и мыслями и ощущениями.

Она в первую минуту мило зажмурилась от яркого света. — Вы любите сидеть в сумерках?—спросил он. — Нет, не всегда. Мне хочется видеть лицо того, с кем говорю. Конечно, если приходится быть с каким-нибудь уродом, тогда лучше сидеть в темноте,—и она рассмеялась, показывая, что этот пример совсем не соответствует данному случаю. При этих словах он почувствовал себя опять свободнее.

— А вы когда-нибудь изменяли своей жене?—вдруг спросила она.

Он растерялся. — То-есть... как?...—нырвалось у него. Тут же он подумал, что более глупо нельзя было ответить.

— Ну, как изменяют. Скажите откровенно.

— Право, я затрудняюсь...—бормотал он, сознавая, что погружается в какую-то трясину безнадежного тупоумия.

— Довольно, довольно, я поняла,—со смехом сказала она. — Конечно, изменили, иначе вы просто ответили бы «нет». Какие вы все мужчины противные! Клянетесь в верности, а подвернись первая смазливая рожица... ну, например, как я...—совсем тихо прибавила она, еле смотря на

него чуть прищуренными глазами. Ему показалось, что ее позды чувственно вздрогнули.

— Нет, я умею уважать женщину,—ответил он.—Ведь близость—это такая серьезная и ответственная вещь для мужчины... С этим шутить нельзя. Правда, теперь думают, что войти в близкие отношения с женщиной все равно, что выпить стакан воды. Я других правил...

— Говорите, говорите, сколько хотите. Так я вам и поверила! Все вы на разговоры мастера. А коснется до дела,—моментально все ваши теории летят вверх ногами.

— Я не из таких,—сказал Перелетов.—Правда, может быть, я—белая ворона. Теперь ко всему этому не только мужчины, но и женщины относятся слишком легкомысленно. Уверю вас, что мне вы можете вполне довериться.

— Хорошо, попробую...—ответила она, смотря на него искоса и улыбаясь уголком рта.

Проводник принес в купе два стакана чаю с сухариками, аккуратно завернутыми в вошевую бумагу и оклеенными бандеролью с указанием фирмы какого-то Юшкова в Ленинграде. Перелетов развернул пакетики и подумал, почему это гражданин Юшков сумел распространить свои сухарики по всем железным дорогам СССР, а наша кооперация до этого не додумалась?

Мария Николаевна зевнула.

Перелетов быстро спросил:

— Может быть, вы уже хотите укладываться на покой? Я очень прошу вас занять мое нижнее место, а я лягу наверху.

— Да, пожалуйста.

Перелетов позвал проводника и попросил его сделать постели. Тот принес белье. Перелетов со своей спутницей вышел в коридор.

Пассажиры рассматривали его и ее. Перелетову было неловко, так как он чувствовал их мысли о том, что сейчас они вернутся в купе, разденутся и проведут вдвоем ледяную ночь. Но вместе с тем было приятно, что ему, конечно, завидуют.

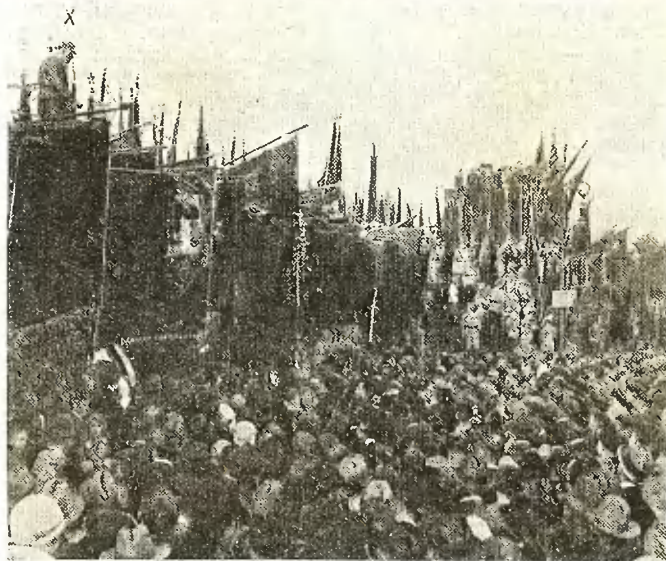
— Пожалуйста,—сказал проводник, выходя из купе.

— Вы ложитесь,—обратился Перелетов к спутнице,—а когда будете готовы, постучите в дверь, я войду, потушу свет и заберусь наверх.

— Хорошо,—сказала она и закрыла за собой дверь.

Смотр союза красных фронтовиков в Берлине. 6 июля начался III общегерманский смотр союза красных фронтовиков. С раннего утра к Шиллер-Парку, расположенному на севере Берлина, собрались многие десятки тысяч рабочих с семьями. Шествие фронтовиков началось в половине третьего дня и продолжалось до семи часов вечера, при чем последние колонны не могли попасть в Парк, который не в состоянии вместить более 300.000 человек. Над необозримым морем человеческих голов развевались тысячи красных знамен. Смотр открылся процессией знаменосцев и составе нескольких тысяч человек, во главе с руководителем красного союза фронтовиков — тов. Тельманом. Затем на трибуне появились руководители союза и иностранные делегации: французская, шведская, чехословацкая, австрийская и китайская. Речи произносились одновременно около 40 ораторами. По окончании речей, встречившихся бурным одобрением и приветственным криком красного союза фронтовиков, собравшиеся массы приняли боевую присягу красного союза фронтовиков:

«Никогда не забывать, что мировой империализм подготовит войну против Советского Союза, что судьба рабочего класса во всем мире неразрывно связана с Советским Союзом. Никогда не забывать страданий рабочего класса во время мировой войны и предательства реформистов 4 августа 1914 года. Всегда выполнять революционный долг по отношению к рабочему классу и социализму, оставаться солдатами революции, быть во всех пролетарских организациях и опираясь на непримиримую классовую борьбу, на фронте и в армиях империализма работать лишь для революции, вести революционную борьбу для свержения классового господства германской буржуазии, защищать всеми средствами российскую и китайскую революции. Всегда и постоянно бороться за Советский Союз и за победоносную мировую революцию».

На снимках: в Шиллер-Парке и внизу — тов. Тельман (x) произносит речь.

Перелетов закурил папиросу. Попробовал поднять шторку окна и посмотреть в темноту ночи, но ничего не увидел. Опустив шторку, он стал ходить по коридору. Воображение его все время вертелось вокруг того, что делается в кухне. Против своей воли он представлял себе, как она раздевается, снимает туфельки, шелковые чулки, платье, остается в одной рубашке, потом ложится между двух холодных простынь... Стараясь отогнать эти мысли, как раздражающие и такие для него необычные. Ну, мог ли он предполагать, что, как мальчика, будет думать о таких пустяках. Правда, в ней есть что-то очень возбуждающее. Но ведь она совсем еще девочка.

Прошло почти полчаса, пока приоткрылась дверь, и она, выглянув в темноту, тихо сказала:

— Теперь молчи...

Перелетов вошел.

Она лежала, закрывшись одеялом. Волосы были спрятаны под кружевным чепчиком. Все в кухне было наполнено ароматом крепких духов.

— Вам очень хочется спать? — спросила она.

Перелетов ответил отрицательно.

— Тогда поболтаем еще немного. Садитесь сюда. — Она отодвинулась к стене, освобождая место на постели. Он сел и почувствовал около себя ее ноги.

— Подвигайтесь ближе, — почти шепотом сказала она.

Он подвинулся, при чем прикоснулся рукой к ее руке и не отнял своей.

— Зажгите маленькую лампочку, — сказала она. — От большой слишком режет глаза.

Он привстал и перевел выключатель. Большая лампочка над диваном потухла, а вместо нее зажегся сверху свислый огонек. Кухня наполнилась особенным загадочным полумраком.

Перелетова охватило волнение, как перед ожиданием чего-то желанного и вместе странного. Сердце его стало

громко стучать. Он, как будто случайно, сам пугаясь своей смелости, взял ее теплую маленькую руку в свои. Слова не шли с языка, да и говорить не хотелось. Она лежала с полуприкрытыми глазами и улыбалась, как котенок, который нежится на солнце.

Прошло много времени. Перелетов не шевелился. Вдруг ему показалось, что она слегка тянет его к себе. Он наклонился и стал жадно целовать ее руки. Где-то в глубине шевелилась мысль о том, что она неосторожна, что другой на его месте не обращался бы с ней так бережно... Как хорошо, что это именно он, Перелетов, находится здесь, он, который ничем не оскорбит ее. Она, вероятно, и не догадывается о том, что его тянет к ней, но он сумеет подавить в себе такие недостойные ее желания. А какое счастье было бы обнять ее стройную хрупкую фигурку, целовать ее всю...

Он прижал ее ладони к своему лицу. Долго сидел так не шевелясь.

«Надо, однако, дать ей спать», — подумал он и поднял голову.

В полумраке кухни перед ним ослепительно блеснула округлость ее высокой груди, чуть прикрытая кружевом ночной рубашки. Он сжал ее руки. Она приподнялась, потянулась к нему. Он схватил ее и прижал свои пылающие губы к ее полураскрытому ротику, чувствуя, как в него переливается ее горячее дыхание, веющее ароматом молодости, ее тело трепещет, становится тяжелым и тянет его вниз...

«Надо прекратить. Слишком опасно».

Целуя ее, чувствуя губами упор ее белых зубов, он тихо шепнул:

— Ну, спокойной ночи...

Она с изумлением и досадой взглянула на него, и вдруг откинулась назад, голова бессильно свесилась, руки соскользнули с его плеч. Он опустил ее на подушку. Она лежала неподвижно и, как ему показалось, перестала дышать.

— Мария Николаевна! Что с вами?—тихо спросил он. Она молчала.

— Мария Николаевна! Мария Николаевна!—уже громко с испугом повторил он. Она не отвечала.

«Обморок!»—пропеслось у него в голове, и он почувствовал, как холодеет от ужаса. И это он всему виной! Он тряс ее за плечи. Голова ее бессильно моталась. Однако на щеках был румянец.

Он вновь прильнул к ее рту долгим поцелуем. Ему показалось, что она отвечает...

«Что же это я делаю!»—пропеслось у него в голове.— Пользуюсь обмороком женщины. Какая подлость!».

Он быстро вскочил и бросился к умывальнику, помещавшемуся между двумя купе. Там, у стены должен стоять графин с водой. Графин не было. Он побежал к проводнику. Тот спал в своем отделении. Растолкав его, он получил стакан воды и, расплескивая его по коридору, бросился в купе, позвав за собой встревоженного проводника.

— Пока не входите,—сказал ему, отворяя дверь купе. Он взял ее под голову, приподнял, стремясь влить ей в рот воду.

При первом же прикосновении стакана к ее губам она медленно приоткрыла глаза и сказала:

— Благодарю вас. Не нужно. Уже прошло.

— Как я рад!—быстро ответил он.—Я так перепугался...

Приоткрыл дверь и сказал проводнику, чтобы он шел к себе.

Потом сел около нее опять, попробовал взять ее за руку, но она выдернула ее и спрятала под одеяло.

— Простите меня...—прошептал он.—Это я виноват...

Она ничего не ответила и отвернулась к стене.

— Спокойной ночи,—сказал он и, став одной ногой на столик, взобрался наверх. Разделся, лег и долго напряженно прислушивался, стараясь уловить ее движение. Но она не шевелилась.

Утром он проснулся рано и, чтобы ее не беспокоить, тихо оделся и вышел в коридор. Проходя на цыпочках мимо нее, он остановился. Положив щеку на руку, она сладко

спала, ротик был приоткрыт, и сквозь полусвет утра, затемненный занавесками на окнах, виден был край ее ровных белых зубов между темнорозовым разрезом пухлых губок.

«Неужели я вчера целовал эти губки?»—подумал он. Чувство нежности и благодарности к ней охватило его, и он прошептал:

— Милая... милая...

Вышел в коридор и осторожно притворил за собой дверь. Посмотрел на часы. Оказалось совсем не так рано, как он думал. До конца путешествия осталось только полтора часа.

Он прошел в вагон-ресторан и выпил стакан кофе.

Когда он вернулся в купе, ее уже не было, и проводник убирал их постели. Подождя, пока он привел купе в дневной вид, Перелетов вошел и сел на диван. Откинулся кругом и подумал, как непохоже стало купе на тот уютный уголок, в котором он вчера чуть не потерял голову.

Вошла она. Он встал и, желая доброго утра, хотел поцеловать ей руку. Она отдернула ее, холодно поздоровавшись с ним.

Сложив предметы своего туалета в саквояж, она ушла в вагон-ресторан. Сидела там долго, пока поезд не стал приближаться к станции. Пришла, попросила проводника позвать носильщика.

Поезд остановился. Она кивнула головой в ответ на прощанье Перелетова и вслед за носильщиком быстро вышла из вагона.

На следующий день Перелетов столкнулся с ней на главной улице. Он с широкой улыбкой приподнял фуражку и радужно сказал:

— Здравствуйте, Мария Николаевна! Как вы себя чувствуете?

Она холодно посмотрела на него в упор, насмешливо улыбнулась и прошла мимо, не ответив на приветствие.

Перелетов остался с фуражкой в руке.

— Как так?—бормотал он.—Неужели не узнала? Не может быть! А если узнала, то почему даже не поклонилась? Почему?

ГУСЛИ

Петр Орешин

Не гуслир ли молодой
Заиграл за сир-рекой,

Заплескал морским песком,
Загудел глубоким дном?

Над полями пляска ног,
Перезвон лесных дорог,

Пляшет роща, пляшет день,
Пляшет сила деревьев.

Почему же сам гуслир
Под веселый струнный жар

Вдруг заглажал и ногас,
Проиграл последний раз

И стоит в степи родной
Чернолещей тишиной?

Ах, припомнил он не в срок
Белый девичий платок,

И измену, и позор,
И последний разговор!

Вот он заступ в небо взвил,
Гусли в яму положил,

Закопал, и в сир-туман
Поднялся большой курган!

Едут люди, не поймут:
Что и кем зарыто тут?

Отчего и тут и там,
По полям и по лесам,

В этот розовый туман
Стопет жалобно курган?

Сергей Григорьев

Очерк П. Н. Медведева

Читатель дореволюционных лет, конечно, помнит С. Патрашкина, обратившего на себя внимание в качестве острого публициста и яркого фельетониста левого лагеря.

Но этот читатель вряд ли помнит беллетристические произведения талантливого фельетониста, хотя бы его рассказ «Мертвые цветы», напечатанный в «Северных записках» за 1912 г. А между тем беллетристике С. Патрашкина и в прежние годы уделял не мало внимания и трудов. Уже тогда он был автором двух романов — «Светлояр» и «Стальное кольцо».

В пореволюционные годы, оставив публицистику и фельетоны, С. Патрашкин всецело отдался беллетристике. С. Патрашкин стал Сергеем Григорьевым. Прежние первые опыты в этой области сыграли роль хорошей школы, и перед нами оказался своеобразный и вдумчивый современный писатель с вполне сложившимся мировоззрением и повествовательной манерой. Сейчас я пишу только о С. Григорьеве. Материал — его книги последних лет от «Черемухи» (1921 г.) до «Коммуны Мар-Мила» (1926 г.).

Впрочем, в беллетристике — Григорьеве публицист — Патрашкин вытравлен не до конца. Нет-нет, да и вылезает из-за объективного и спокойного художника нервный, пристрастный публицист или скользящий по поверхности явлений фельетонист. И кажется, что порою эти два начала борются в С. Григорьеве не на жизнь, а на смерть.

В этом разборстве есть свои и положительные и отрицательные стороны.

Публицистический уклон, публицистический темперамент С. Григорьева придает его книгам характер живой современности и актуального интереса. С. Григорьев почти всегда умеет нащупать, найти живую, общественно-значимую тему. Его материал никогда не залежалый. Он берет его всегда из первоисточника — из «дней нашей жизни». Свои темы, свои идеи С. Григорьев умеет подавать остро и ярко. Он знает секрет влияния на читателя.

Но, в то же время, С. Григорьеву не всегда хватает такта художника и той углубленной полноты изображения жизни, к которой призвано художественное творчество.

Порою кажется, что С. Григорьеву не столько важен самый художественный образ, сколько то, что он может значить в плане общественном или моральном. Иногда он больше заинтересован выводами, а не самим изображением. Убедительность С. Григорьева часто бывает убедительностью не художника, а умного, много пережившего и передумавшего современника. И потому некоторые его произведения воспринимаются не как художественные создания, а как бытовые, всамделишные «человеческие документы».

Все это, конечно, столь же закономерно, как и беллетристичность. Но это все же не беллетристика, т. е. не то, к чему стремится сам автор.

Наиболее наглядный пример — книга С. Григорьева «Казарма» (1926 г.).

Это не повесть и не рассказ. Сюжета нет. Фабула — никак не развешивается. Образы — отсутствуют. Единство вещи этой — только отвлеченно-тематическое.

Повествованию сознательно придан характер бытовой хроники дневника, который ведется в империалистическую войну солдатом-интеллигентом. Этим приемом под-

черкивается достоверность описываемого. Ему придется характер документа.

Правда, и художественная литература знает хронику, как свой повествовательный жанр. Но хроника С. Григорьева не относится к беллетристике. Не относится потому, что лицо, ведущее у С. Григорьева эту хронику, не является художественным образом. Он нужен автору только

С. Т. Григорьев

как регистратор происходящих событий. Он не живет в повествовании.

В силу этого у С. Григорьева получилась вещь не беллетристическая, а публицистически-бытовая, но в этом плане ее нельзя не признать по-своему яркой и убедительной.

В «Казарме» все построено на мелочах, на отдельных, казалось бы, малозначительных штрихах. Нет тут ни грозных сражений, ни штабов армий, ни великодушных полководцев, ни ураганного артиллерийского огня, — ничего из показной героической бутафории войны. Есть же взамен всего этого — нелепая жизнь рядовой казармы, будни войны, ее каждодневная проза.

Но, «как солнце в малой капле вод», в этом малом и мелком полностью и до последних глубин отражены и весь ужас мировой бойни, и вся ее дикая нелепость, и разлагающее влияние ее на массы, и невообразимое озверение человечества, и та жуткая безысходность, из которой единственным стихийным выходом оказалась революция.

Автор дневника заканчивает свои записки так: «Казарма» этой войны догнивает, и надо скорее ее отщипать и обеззаразить. Это дело «хирургов». А я не хирург. Спасать революцию — глупо. Революция происходит и проходит. Погибнет старая Россия, в которой я жил и действовал, и от ее смерти возникнет в общественном сознании новый мир России. Что она иная, это я знаю. И надеюсь, что она мне покажется лучшей» (стр. 139).

Публицистическая заостренность этих

размышлений далеко не случайна. Так написана вся «Казарма».

Очевидно, что С. Григорьев писал ее в содружестве с С. Патрашкиным.

Конечно, «Казарма» — пример наиболее броский. В других произведениях С. Григорьева его публицистический уклон или менее значителен или даже вовсе отсутствует.

Именно эти произведения и дают наиболее законченное представление о С. Григорьеве — беллетристе, его «изюминке», общей манере и излюбленных жанрах.

Думается, впрочем, что, как художник, С. Григорьев не успел еще раскрыться полностью. Он еще не вошел в свои окончательные, классические формы. По своему типу он, очевидно, принадлежит к тем писателям, которые зреют и раскрываются медленно и постепенно.

По крайней мере, в нашем представлении все, написанное до сих пор С. Григорьевым, — только опыты, только искания; далеко не последнее и не последнее, чего можно ожидать от этого писателя.

Искания эти в основном протекают у С. Григорьева по двум направлениям. Первое характеризуется такими произведениями, как «Черемуха» (1922 г.), «Васса» (1923 г.) и «Коммуна Мар-Мила» (1926 г.).

Это — поиски в области углубленного психологизма. Не быт, не события, а человек, его внутренняя жизнь, его «судьба» занимают тут писателя. Заботы его направлены на раскрытие душевной динамики своих героев. Все остальное — и сюжет, и бытовые подробности, и фабула — отодвинуто на задний план.

Среда — то провинциально-мещанская («Черемуха»), то столично-интеллигентская. Все повествование проходит под знаком трагического мировоззрения. Разложение цельного и единого душевного ядра, распад личности, и вытекающие из этого муки — так можно определить основную, центральную тему всех этих произведений.

Наиболее остро и ярко подана она в «Вассе». Наиболее законченно и цельно — в «Черемухе». Это, пожалуй, лучшая вещь С. Григорьева.

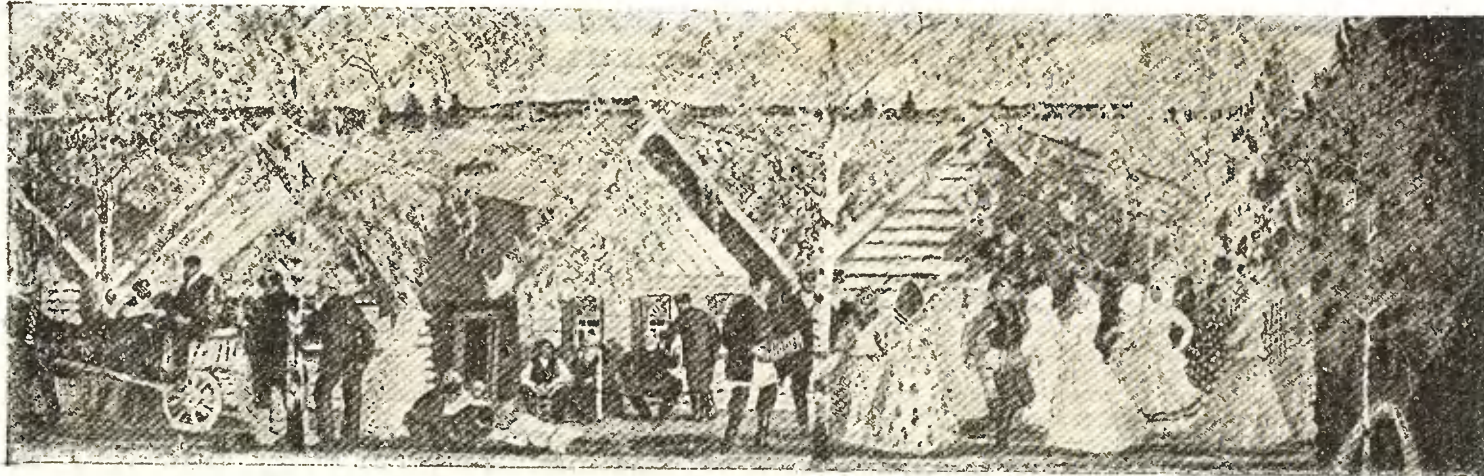
В «Черемухе», и вообще в произведениях этой линии творчества, С. Григорьев какими-то своими путями восходит к Достоевскому — то к Карамазовым, то к Раскольникову. Эти вепи запечатлены глубоким внутренним надрывом. Они трагичны и безысходны по своим выводам. На них почивают мрачные отблески пессимизма и гнетущей уверенности, что «мир во аде лежит».

Характерно, что в пореволюционные годы это трагическое и пессимистическое мироощущение С. Григорьева начинает просветляться и преобразоваться.

Оно уже не столь мрачно и безысходно в «Коммуне Мар-Мила» (1926 г.) — произведении, относящемся все к той же старой, психологической линии творчества С. Григорьева. И оно кажется совершенно преодоленным в таких вещах, как «Гибель Бригантины» и «С мешком за смертью».

В повести «С мешком за смертью» много ярких революционных сцен и хорошо нарисованных образов. Рабочая среда у С. Григорьева — живая, настоящая. Он умеет изображать ребенка, — искусство, которому почти разучились наши писатели. Он нежно и глубоко чувствует деревню и природу.

Нам думается, что наибольшие успехи ожидают С. Григорьева именно на этих путях.

Б. М. Кустодиев

Праздник в деревне

Борис Михайлович Кустодиев

Из воспоминаний

Игорь Грабарь

Я писал ответ на полученное мною от Бориса Михайловича письмо—быть может, одно из последних, им написанных—когда мне сообщили по телефону о его кончине.

Она была неожиданной и случайной, несмотря на то, что этот художник-подвижник уже 13 лет был прикован к креслу, с которого не сходил и сидя на котором создал большую и лучшую часть оставленного им огромного художественного наследия.

Он поступил в Академию Художеств в 1896 г., когда я уехал уже за границу. Впервые я услышал о нем от Репина, когда, вернувшись в Россию в 1901 г., навещал нашего общего учителя. Репин работал тогда над картиной «Заседание государственного совета по случаю 100-летнего юбилея», и я знал, что при

исполнении картины ему помогают его ученики, но кто именно, мне было неизвестно.

Кустодиев Портрет

исполнении картины ему помогают его ученики, но кто именно, мне было неизвестно.

Репин, умалчивая, по обыкновению, о собственных работах, с увлечением говорил о чужих, рассказывал о своей академической мастерской, о замечательных талантах среди его учеников, особенно при этом выделяя Кустодиева, которого называл «богатырем живописи». Вскоре я узнал, что над его картиной работают двое из учеников мастерской—Кустодиев и Куликов, которых Репин считал самыми силь-

ными. С первым из них я познакомился несколько времени спустя, при вторичном посещении Репина. Он показал мне множество этюдов и рисунков, сделанных с разных сановников в мундирах, с звездами и лентами; часть их была исполнена одновременно самим Репиным и обоими учениками, часть только учителем, а некоторые только учениками. Позднее я увидел и самую картину, еще в работе.

Работа была коллективной, но не в современном смысле этого понятия, а в том его значении, которое можно применить к работе мастерской Рубенса. Хозяином, командиром и истинным творцом оставался сам мастер, ученики были только его послушными руками. Весь смысл их работы сводился к тому, чтобы по возможности не выделяться, не выставляться на показ своего лица, прятаться за учителя, подделываясь под его манеру и его стиль. Этого требовало веление стилистического единства, художественного ансамбля.

И все же юному Вандейке уже можно распознать в некоторых коллективных работах мастерской Рубенса, несмотря на весь гипноз мастера. Совершенно так же, при внимательном рассмотрении Репинской официальной картины, можно без труда узнать руку будущего Кустодиева: вся правая половина картины написана им, частью по этюдам Репина, частью по собственным.

К концу 1903 г. картина была окончена. Кустодиев пишет ряд сложных портретов, обычно в рост и в величину натуры: своего брата, на воздухе, в солнечный зимний день, художника Вилибина в курьезном, длиннейшем силе сюртуке «под Онегина», который он носил в ту пору, жены худож-

ника, купленный Русским Музеем, гравера Матэ, художника Богословского и много других. Кустодиевские портреты выделялись на тусклом фоне академических выставок, как произведения мастера, они были в центре внимания, автора приглашали на все выставки, он стал известностью. Только «Мир Искусства» оставался равнодушным к восхождению нового светила: несмотря на горячие настояния некоторых членов Дягилевского кружка, особенно Е. Е. Лансере, он не был приглашен ни на одну выставку журнала. Тогдашний живописец Кустодиева казалась Дягилеву, Баксту, Серову слишком прес-

Кустодиев

Портрет жены художника

ной, художественное лицо его недостаточно индивидуальным.

И, действительно, в искусстве Кустодиева 1900—1904 годов не было еще острой наблюдательности, появляющейся у него с 1905 г., не было тех специфических тем, того особого подхода к жизни крестьян, мещан, горожан, волжских «купчих», и всякого провинциального люда, с которыми навсегда связано имя Кустодиева.

Однако, устраивая в 1906 г. историческую отпущенную выставку русского искусства в Парижском Осеннем Салоне, Дягилев берет уже три его портрета, в том числе замечательный холст, изображающий семью Ползновых—отца, мать и дочь на фоне деревенского пейзажа, на террасе дома. Одной фигурой стоящей справа девушки в синем ситцевом платье, с чудесно написанной головой, было достаточно, чтобы оправдать приобретение этой значительной картины русской школы живописи в Третьяковскую Галерею или Русский Музей и не дать ей уйти куда-то в Будапешт.

Когда в 1913 г. мне пришлось стать во главе Третьяковской Галереи и надо было подумать о том, чтобы пополнить собрание картинами художников группы «Мир Искусства», в то время очень слабо представленной, я предложил Кустодиеву от имени Галереи заказ—написать групповой портрет художников «Мира Искусства». Дело шло не о «Мире Искусства», основанном Дягилевым и с 1914 г. преобразованном в «Союз Русских Художников», а о новом обществе, учрежденном художниками, отколовшимися в 1910 г. от «Союза». Общество приняло старую Дягилевскую фирму. Одним из учредителей его и активнейшим его членом был Кустодиев.

Он сделал эскиз картины, изображающий собрание членов общества на квартире Добужинского, в одной из его стильных комнат. Для каждого из художников, размещенных им вокруг длинного стола, он нашел тонкую характеристику, индивидуальный жест, свой наклон головы. Главным говорун и балагур, вечный остряк и слагатель шуточных вирш—Вилибин встал, чтобы, улыбаясь, подмигивая и заикаясь, произнести очередную комическую тираду. Одни рассейно слушают, другие рисуют, третьи просматривают журналы. Картина была задумана одновременно де-

Кустодиев

Купанье

на ярком зеленом фоне обоев. Картина должна была быть что-то около $3\frac{1}{2}$ аршин вышиной и более 5 шириной, фигуры в натуру. Но тут пад художником стряслась беда.

Уже задва года до того, предполагая у него наличие туберкулеза позвоночника, врачи отправили его в Давос. Пробыв там довольно долго и не видя никаких признаков улучшения, Кустодиев по совету тамошних врачей поехал в Берлин к какому-то крупному клиницисту, имени которого я, к сожалению, не помню. Последний нашел, что туберкулеза у него нет, но зато есть—если не ошибаюсь—деребратный менингит позвоночника. Он сделал ему операцию, после которой художник буквально ожил. Хирург однако предупредил его, что рецидив почти неизбежен и ему придется еще один раз приехать для повторной операции, после которой он окончательно поправится.

И вот грянула война. Кустодиеву стало хуже, а о поездке в Германию и думать не приходилось. Помню, в самый разгар ликований, вызванных галицийскими победами 1914 г., я навестил его, чтобы справиться о судьбе картины. Он рассматривал только что припесенный иллюстрированный журнал и показывал на снимок с какой-то патристической демонстрацией произнес, глядя на меня своими лучистыми, ясными, слегка насмешливыми глазами: «Вот они ликуют, ну, а мне-то как? Тоже радоваться войне, отрезавшей меня от единственного человека в мире, могущего меня спасти?»

В это время он уже не мог ходить и не слезал с кресла, которое передвигал при помощи рук. Позднее он его усовершенствовал, приспособив к работе над большими холстами; сидение поднималось и

опускалось на нужную высоту, и он мог переминаясь к любой точке картины.

Однако болезнь не только не сокрушила его энергии, не только не подкосила его сил, а, напротив того, казалось, удвоила их. Никогда раньше он не мечтал о таких гигантских размерах полотен, как именно теперь, когда перед ним встала перспектива просидеть в роковом кресле до гробовой доски. Ему хотелось расписать фресками целые версты стенных пространств, он нехотя занимался «мелочью», небольшими графическими работами. Только в последнее время он сделал исключение для деревянной гравюры, трактующей им чрезвычайно свободно, широко и совершенно своеобразно. Гравирование доставляло ему настоящее удовольствие.

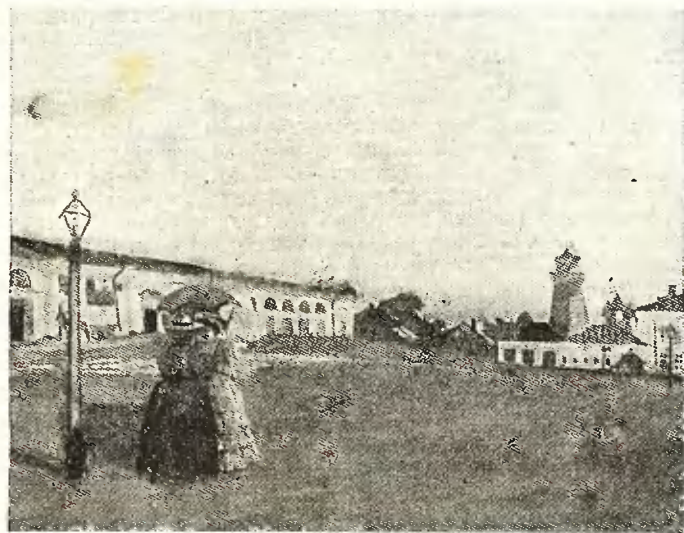
Но главные помыслы его были направлены в сторону монументальной живописи: он все ожидал больших увлекательных заказов. Зная, что у меня сохранился еще от довоенных времен запас хороших выдержанных французских холстов 3-аршинной ширины, он просил меня в последнем письме поделиться с ним этими холстами.

Месяца три тому назад я был у него и видел его встущим, румяным, как всегда, жизнерадостным, с знакомой обаятельной, приветливой улыбкой на губах. При виде этой невероятной, прямо фантастической жизненной потенции, стало стыдно за недостойные минуты недовольства судьбой, сетований и прямого нытья у нас—здоровяков и крепких.

В последние месяцы он снова был поглощен большим замыслом—картинной триптихом, заказанной ему Комиссией А. В. Луначарского по покупкам и заказам художественных произведений в ознаменование 10-летия Октябрьской Революции. Кустодиев предложил свою тему—«Труд и Отдых», и уже успел прислать акварельный эскиз картины.

С этим заказом для него связана была возможность поездки в Берлин к приемнику и ученику покойного уже клинициста, спасшего ему некогда жизнь. На него он возлагал теперь все надежды, но случившаяся болезнь—грипп с соответствующими осложнениями—внезапно скопала эту жизнь, с которой не мог справиться злоеущий 15-летний недуг.

Москва, 2 июня, 1927 г.

Кустодиев

Провинция

коративно и реально, монументально и жизненно.

Кустодиев с увлечением принялся писать с натуры портреты отдельных персонажей будущей картины, при вечернем освещении,

16.500 километров по воздуху

Очерк
Л. Полярный

Нелегко охватить необъятные просторы нашего Союза современными средствами передвижения при наличии таких изумительных контрастов экономических, культурных бытовых и природных, какие найдешь в разных концах СССР. Для шестой части земного шара мы располагаем слишком редкой сетью железных дорог, многочисленными, но несовершенными водными путями, недостаточным пространством шоссе для автотранспорта. Остальное дополняют: плохонькие тракты и полное бездорожье. Ездят—где как: на лошадях, волах, верблюдах, иппаках и собаках, не хватает только рабочих слонов и страусов.

За последние годы у нас начинает заволашевать себе место новое средство передвижения—самолет. Это очередной чисто российский контраст. И самолет рядом с верблюдами, собаками и оленями—уживается прекрасно, в этом мы еще раз убедились во время последнего зимнего агитоблета по северу нашего Союза.

Самолет «Все в Алях», под управлением пилота Копылова и механика Ключко, с двумя пассажирами вылетел из Москвы 20-го января и имел задачу посетить 12 губерний четырех союзных республик. Вылетели мы, не имея впереди никаких приспособлений, если не считать десятка баз, где можно было снабжаться бензином и маслом. Инструменты и запасные части и все могущее потребоваться в дороге нужно было захватить с собою.

Но современный самолет, в особенности зимой, не требует особых приспособлений для посадки. Зимой—раздолье. Самолет на лыжах и всюду аэродром. Садиться можно в поле, на речку, озеро и т. д. Вот над самыми трудновато. Здесь наша машина пока еще довольно беспомощна. В случае вынужденной посадки садиться приходится прямо «на лес»,—есть надежда, что крылья выдержат. Говорят, были случаи таких посадок и удачные. Хотя мы и пролетали тысячи километров над лесными массивами в районе Вятка—Вологда—Петрозаводск,—там садиться действительно негде. Но садиться нам не приходилось. Мотор работал идеально, верхушки сосен и наши ребра остались целы.

Еще так недавно (лет 10 тому назад) самым ответственным моментом считалась посадка. Каждую посадку называли «родами». За наш облет мы сделали 338 посадок и ни одной вынужденной. Во время круговых полетов над городами с пассажирами т. Ко-

пылов делал в день по 20 посадок и от этих «родов» лишь болели мускулы и натупивались немного нервы пилота. Вот и все.

Со стихией и капризами погоды мы выдержали суровую борьбу. Летали при 40-градусных морозах, пролипли полосами туманов, снежных метелей и оттепели. Но мерзли не больше, чем мерзнут во время большого перегона на собаках или оленях. Разница лишь в масштабе—прилетали мы всегда не только раньше самых резвых собак и оленей, но часто и раньше заблу-

В Вельске, когда в самолет садились крепкие, когда они первично и неуверенно топтались на крыле самолета,—я вспомнил английского сора...

Вельск—это уездный городок Вологодской губ., мертвый и сонный, в 260 километрах севернее Вологды. Затерянный среди болот и лесов, городок этот связан с внешним миром лишь плохоньким трактом. Трак тянется еще дальше на север до Шенгурска, а там уже теряется в делях. Добраться до Вельска считается предприятием очень трудным, пожалуй, столь же трудным, как, скажем, проехать во Владивосток. Действительно, кругом массивы лесов и болота, единственное разнообразие—это узенькая извилистая полоска лесной дороги. Это городок из серии тех, где многие о паровозе знают лишь по наслышке, телефонные провода и телеграф считаются чудом, извы и недуги летачей заговором, естественно, что здесь самолет—«чужовище». Скорее это не город, а большое село, где население занимается охотой, сельским хозяйством, гонит смолу и деготь и лишь целлюлозная фабрика является скромным намеком на то, что где-то есть иной мир.

Встретили нас бурно и восторженно. День прилета был объявлен нерабочим днем. Вся жизнь городка стала, магазины

Встреча стальной птицы рабочими Чусовского завода, Пермского округа. С самолета бросают легучки

временно высланных в пункты прибытия телеграмм...

* * *

В 1925 году я имел неудовольствие на регулярной линии «Укрвоздухпути» из Харькова в Ростов лететь с попутчиком-англичанином. Неудовольствие потому, что скляточный англичанин явно трусил. Свои чувства страха он тщательно пытался скрывать под маской деланного английского безразличия, но это ему плохо удавалось. При подлете он тщательно привязался ремнями, всю дорогу был угрюм и неразговорчив и при каждом скачке нервно кусал губы. А ветер, как нарочно, усиливался, сильно болтало. Англичанин в Европе неоднократно летал, и я не сразу понял причины его излившей нервозности.

В Ростове выяснилась причина. Англичанин не доверял русским летчикам, плохо верил, что они умеют летать...

За время нашего воздушного странствия в 42 пунктах было поднято на воздух 1.254 пассажира. Из них человек 300 крестьян и в самых заброшенных и диких уголках.

были закрыты—все было у самолета.

Вспоминается другой такой же медвежий уголок—Ветлуга, Нижегородской губ. Среди лесов и снегов заброшен мощный центр лесопильных заводов. Чтобы от Нижнего добраться до Ветлуги, нужно потратить целую неделю, из которой четверо суток на лошадях нужно пробираться плохоньким трактом. Лишь весной, во время половодья, месяца два по реке Ветлуге поддерживается паровозное сообщение. Мы же на самолете покрыли это расстояние в два часа.

Легко себе представить, какое смещение там вызвало наше появление. Прилетели в базарный день. Весь базар закипел, как муравейник, охваченный огнем, пугались лошади и люди. Встали заводы, и в течение десятка минут все было около самолета.

Крепко ругались торговцы—неожиданный прилет сорвал всю торговлю. Но еще больше на следующий день ругались попы. День круговых полетов был престольным праздником, попы не на шутку готовились к нему. И вдруг весь город и даже верующие были около самолета; нарасно жалобно звенели церковные коло-

кола, и поны изрыгали проклятия... Самолет сорвал престольный праздник.

От желающих летать не было отбоя. Вспоминается крестьянин: запыхавшись, прибежал он после полетов и совал замусоленный червонец:

— Товарищи, у меня десять рублей. *Мочалу продал*. Прокатите со старухой. Сделайте милость. Очень хочется полетать (билеты для нечленов Авиахима стоят по 10 р.). Этому ревностному поклоннику самолета сделали скидку, и он покался...

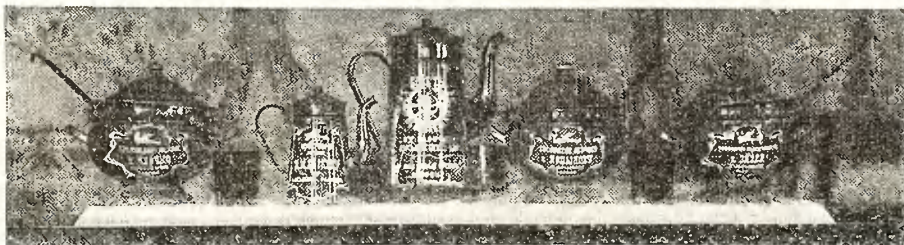
Прошло лишь два года с тех пор, как усилиями Авиахима самолет проталкивается в самые глухие уголки нашего Союза и он стал доступен массам, правда, пока лишь в смысле агитации сийскими контрастами. На Севере мы то-то и демонстрации. Но уже проведено пять агитоблетов и захвачена почти вся территория европейской части Союза. Самолет стал рядом с собаками, верблюдами, оленями и лаптями. В этом—величайшее культурное значение агитоблетов.

* * *

Карельская республика была последним северным районом нашего маршрута. Остался последний перегон: Петрозаводск—Москва

Самолет на Дысвенском металлургическом заводе в Приуралье

Подарки дысвенских рабочих, изготовленные фабричным Осоавиахиму, почетному летчику А. П. Рыкову и летному составу самолета

нули в снегах, мы привыкли топать по снегу, а из Ленинграда шли плохие

вести: «начинается оттепель, идет дождь... У Шлиссельбурга вскрылась Нева».

«Неужели совершенно нет снега или льда на аэродроме?» — гла-сил наш запрос, не то жалоба, не то недоверие, или возмущение.

«Ночью шел дождь. Снегу нет», — неумолим Ленинград.

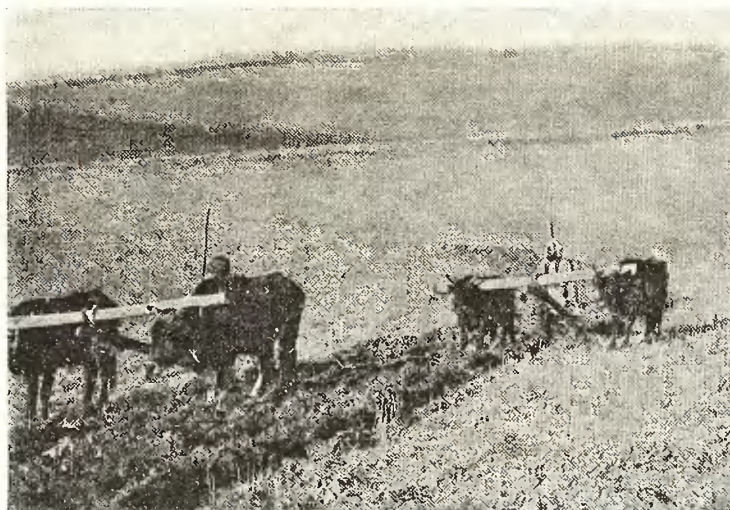
Увы, это факт. Это наши контрасты — на Севере морозы, сугробы снега, на Юге — лето...

Сели в Петрозаводске в ожидании при-сылки из Москвы колес. В первый раз в жизни мы не радовались наступлению весны. Калпризница-весна нас обидно при-жала у финиша... Песмен-ли лыжи на коле-рековали самолет. Последний перегон Петрозаводск—Москва, свыше 900 километров, покрыли в 6 часов.

Этот облет был став-кой на выдержку и выносливость советско-го самолета, мотора и летного состава.

В суровых зимних условиях, без мини-мальнейших приспо-соблений, пройдено 16.500 километров, без единой поломки и вы-нужденной посадки,— это красноречивый

Таджикистан

Таджикистан—суровая, горная страна—одна из самых молодых советских автономных областей. Столица Таджикистана—город Душамбе,—вырастающий с чисто американской быстротой на былых развалинах. Путь от Бухары к Душамбе пролегает через живописнейшие и красивейшие в мире места. Вопрос о прокладке железнодорожного пути еще в стадии разрешения, да и самое осуществление проекта потребует

времени, а пока сообщение со столицей поддерживается на лошадях, верблюдах, осликах. Дорога дальняя и длится несколько дней. Таджикистан поддерживает оживленное сообщение между отдельными районами, несмотря на трудности дороги. Между Бухарой и Душамбе летают весной, летом и осенью аэропланы, которые за 2½ часа покрывают в воздухе расстояние, отделяющее Душамбе от железной дороги. Таджикистан—бо-

гатейший по своим месторождениям край, сейчас в нем кипит работа—ширится русло советского строительства в области, столь щедро наделяемой природой. Таджики издавна считаются одним из самых культурных народов Средней Азии.

На снимках: пахотба и перевал Кага-Ка-рамыш.

Трактор в работе

Очерк
Вас. Лебедев

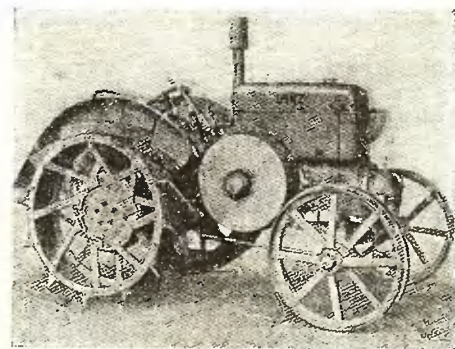
Трактор—одна из замечательных машин XX века — разрешает очень важную задачу современной культуры: он позволяет осуществить безремесловую большую буксирную тягу.

«Иметь трактор» — мечта всякой сельскохозяйственной коммуны. Трактор имеет огромные преимущества не только перед живой тягой (лошадью или волком), но и перед своими соперниками — паровым двигателем и электродвигателем.

Трактор приводится в движение бензином, керосином или нефтью (например, наш «Коломенец»). Бензиновые двигатели работают экономнее паровых. В то время как коэффициент полезного действия бензинового мотора — 40%, самая лучшая паровая машина не может дать больше 18%, обычно она дает только 10%—15% полезной работы. Электродвигатель — замечательная машина с очень высоким коэффициентом полезного действия (до 90%) и незаменимый работник там, где есть ток. Но этого как раз нет на поле, в степи, на пашне, вдали от электрической станции. Вот почему в сельском хозяйстве трактор почти незаменим. Это будет особенно ясно, когда мы посмотрим его в работе. Какой только работы ни делает трактор в деревне: он является помощником и песней — при обработке пашни, и летом — при уборке урожая, и зимой, исполняя самые разнообразные работы.

делает сразу три работы! Но это не является рекордом. Современные американские тракторы, например, тракторы завода Грей, обычно производят при обработке пашни сразу 5 операций: дискование, пахоту, бороньбу, прокатывание и работу культиватора. В один прием задершеная земля превращается в отлично разрыхленную землю, пригодную для посева. А сколько сил, времени и средств пришлось бы затратить человеку без трактора для приведения подобной земли в культурное состояние!

Вывущенные года два тому назад тракторы в Америке приспособлены специально

Трактор «Гроссбульдэг» в 22 лощ. силы

сити залежалой земли, за осень он может поднять не менее 100 десятин и столько же паров испой.

Если заставить молотить такой трактор, то он обмолодит около 700 пудов в день или около 15 десятин.

Трактор можно зимой пустить и для другой работы, например, заставить его освещать деревню. Трактор «Фордзон», в 20 лощ. сил, соединенный с динамомашинной, может дать 17 лощ. сил на освещение, т. е. изработать ток такой мощности. Семнадцать лошадиных сил на языке инженера — это 700 электрических лампочек по 16 свечей каждая. Деревня, которая имеет трактор, зимой может осветить до 300 дворов.

Опыт последних лет показал, что тракторная обработка

земли сопровождается более высоким урожаем, чем при конной обработке. Так, например, отмечено, что тракторная пахота дала урожайность в районе Северного Кавказа 30—40 пудов с десятины, в то время, как в крестьянском хозяйстве урожайность была 10—15 пудов. Это повышение урожайности объясняется тем, что на тракторе можно применять более глубокую пахоту.

Трактор позволяет увеличить число голов молочного скота, свиней, птиц, т. е., короче говоря, позволяет перейти на интенсивное разведение мясного скота, так как о лошадях, которые пожирают очень много корма, крестьянскому коллективу не приходится уже думать.

Трактор является могущественным средством объединения мелких хозяйств в более крупные, с повышенной производительностью труда. Эта замечательная машина несет вместе с освобождением от тяжелого труда новую организацию всего строя нашего сельского хозяйства.

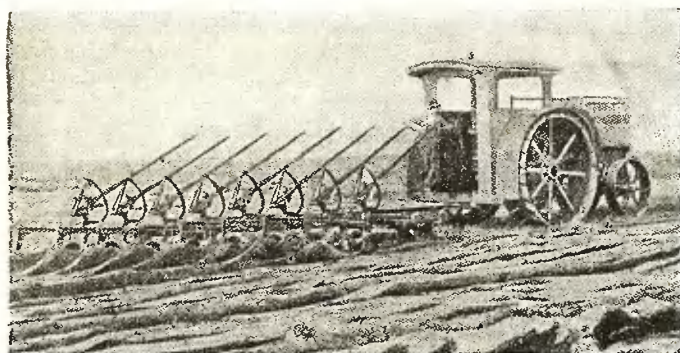

«Путиловский Фордзон», 22 лощ. силы. Наиболее распространенный в СССР трактор

для вспашки кустарника и лесной поросли, при чем глубина пахоты равняется 10 дюймам. Сучья, чаща и кустарники — все валится под этими гигантом и превращается в прекрасную пашню!

На одном из рисунков мы даем фотографию трактора — «Гроссбульдэг» в 22 лощ. силы. На нем ясно виден плуг, и потому будет понятно, как при помощи приводного ремня трактор будет производить многие другие работы. Если соединить его с молотилкой — он будет молотить, если соединить с лесопилкой — он будет пилить и т. д.

В нашем хозяйстве наибольшим успехом пользуется «Путиловский Фордзон» — трактор американского типа, мощностью в 20 л. с. (см. рис.) При двух лемехах им удается вспахать 4—5 де-

Американский трактор в 15 лощ. сил. тянет 8 плугов и вспахивает полосу почти в 3 метра

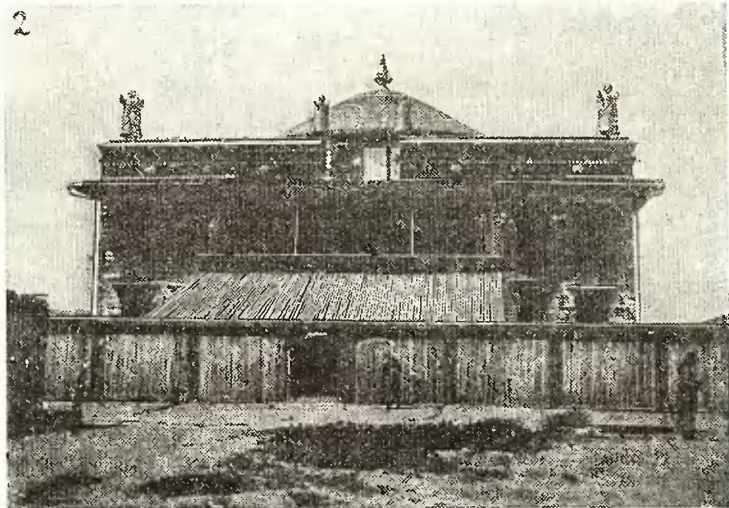
На нашем рисунке представлен один из американских тракторов во время пахоты. Он тянет сразу 8 плугов и поднимает полосу шириной 8×14 дюймов. Его мощность 45 лощ. сил. В день на нем можно вспахать до 6 десятин. Чтобы пахать целую плугу в 12 дюймов, надо запретить 6—8 лошадей. Наш трактор делает работу больше девяти таких плугов, т. е. заменяет собой работу 50—70 лошадей!

На другом рисунке трактор жнет: он тянет 5 жатвенных машин. Один работник (при урожае 20 копен на десятину) в день сожнет около ¼ десятины, наши машины-жатки снимут 20—25 десятин за рабочий день. Как мы видим, трактор заменяет нам в этом случае по крайней мере 80 жнецов. Но трактор — машина, которая может работать 24 часа в сутки. В русской практике установилось, что трактор работает и при фонарях. В таком случае наши 5 жаток заменят 240 жнецов!

На одном из рисунков трактор засяет во время очень интересной работы: он сразу пашет, боронует и прокатывает. Он

Трактор, совершающий сразу три работы: пашет, боронует и прокатывает

Октябрьская революция, провозгласившая национальное самоопределение народов, раскрепостила не только народы б. царской России. Ее могучее влияние перекинулось через государственные границы, ее лозунги поднимают на борьбу с международным империализмом и пролетариев Запада и трудящихся угнетенного Востока.

В глубине Азии, на обширном плоскогорье, захватывающем громадное пространство, равное одной трети всей Европы, раскинулась страна потомков когда-то грозного завоевателя мира, Чингиз-хана—Монголия. Обширные травянистые, залитые солнцем, степи, высокие горные хребты на севере, каменистая и песчаная пустыня «Гоби» на юге. Почти трехвековой гнет маньчжурской и китайской бюрократии, чудовищная кабала отсталого торгово-ростовщического китайского капитала. Эксплуатация князей и высшего духовенства, хозяйничанье царских империалистов, японских шпионов, китайских реакционеров и белогвардейцев. Еще семь лет тому назад отсталая па-

стусская Монголия представляла, в полном смысле этого слова, историческое кладбище.

Но идейное влияние Октября разбудило национальное самосознание монгольского народа, творческие силы трудовых монгольских скотоводов—аратов. Монгольская народно-революционная партия подготовила трудящихся Монголии к борьбе с империалистическими захватчиками и внутренними угнетателями. Национальная революция 1921 г. покончила при дружеской помощи Сов. России не только с захватчиками Монголию озверевшими белогвардейскими бандами барона Унгерна и друг. иностранцами захватчиками, но привела, в конечном счете, к полному освобождению монгольских трудящихся масс. Учредительный съезд трудящихся Монголии—Великий Хурулдан 1924 г. окончательно ликвидировал власть феодалов (князей) и теократов (духовенства). Монголии была объявлена Народной Республикой, страной диктатуры революционного трудящегося аратства. Для защиты страны от посягательств со стороны внешних вра-

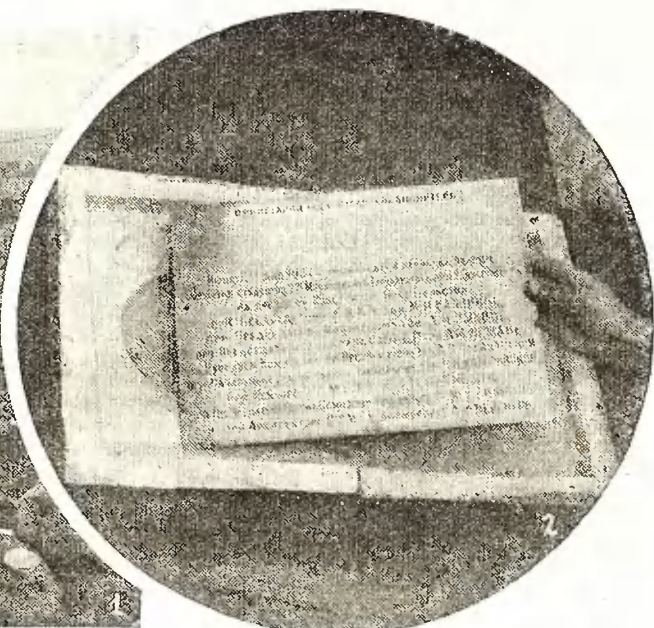
гов создана Монгольская Народная Красная армия.

За два с половиной года существования Республики монгольский народ имеет значительные достижения в области общественной, экономической и культурной жизни. Организована, растет и крепнет монгольская кооперация, налажено дело народного образования, издаются книги, журналы и газеты на монгольском языке. Столица МНР—Улан-Батор (б. Урга) обрывает новыми постройками. Идет интенсивное государственное, экономическое и культурное строительство. На месте исторического кладбища колониального народа, обреченного в жертву Молоху империализма, выросла страна революционных пастухов, второе, после Сов. Союза, в мире государство, где власть находится не у эксплуататорских классов, а в руках трудящихся.

На снимках: * 1. Улан-Батор—Хого (город красного богатыря)—столица Монгольской Народной Республики. * 2. Буддийский храм Пайдарь в Улан-Баторе.

ДОМ СТУДЕНТОВ

Фот. П. Петрова

В Москве состоялась торжественная закладка студенческого общежития П. М. Г. У. Строит здание русско-германское акционерное общество «Русгерстрой». На постройке будут применены последние достижения германской строительной техники, и уже к осени 1.000 студентов займут комнаты и коридоры этого дома студентов. Здесь предусмотрено все, чтобы улучшить и упорядочить студенческую жизнь: общежитие будет оборудовано несколькими прачечными, столовыми, душевыми комнатами и яслями. На снимках: * 1. Митинг в день торжественной закладки. * 2. Доска с датой закладки и именами строителей, положенная в фундамент

В воскресенье, 5 июня, на Воробьевых горах было устроено массовое гулянье текстильщиков. Гулянье привлекло более 20 тысяч человек. Перед началом гулянья с приветствием московским текстильщикам выступили представитель английских рабочих тов. Кент и сын Фын Юй-сяна (главнокомандующего китайской пародной армии). Гулянье началось с парада физкультурников. На площадках происходила игра в футбол и городки. Для детей был организован детский театр. Шесть оркестров, пять хоров и гармонисты оживляли гулянье.

ИЗ ПРОШЛОГО

Погромы и погромщики

Очерк

Е. Лаганский

После революционного под'ема 1905 года вся Россия погрузилась в черный мрак страшнейшей реакции. Погромный дух витал над всей страной, питаемый всюду открытой симпатией властей и безнаказанностью черной сотни.

Выходящие вскоре в издании «Прибой» материалы по истории союза русского народа (протоколы Чрезв. Следств. Ком. Вр. правит.) с беспощадной ясностью рисуют деятельность и взаимоотношения трех «китов» царизма: полиции, охранки и союза русск. народа.

Еще 2/III—1907 года н. д. Екатеринбургского губернатора Шидловский в конфиденциальном письме на имя министра внутренних дел докладывал по поводу слухов о готовящемся в г. Александровске еврейском погроме:

«Как мне ни печально удостоверить, а виновниками такого положения дела должны быть признаны в сильной степени, представители местной административной власти. В Александровске союз русского народа образовался не только под покровительством, но почти по инициативе местных прави-

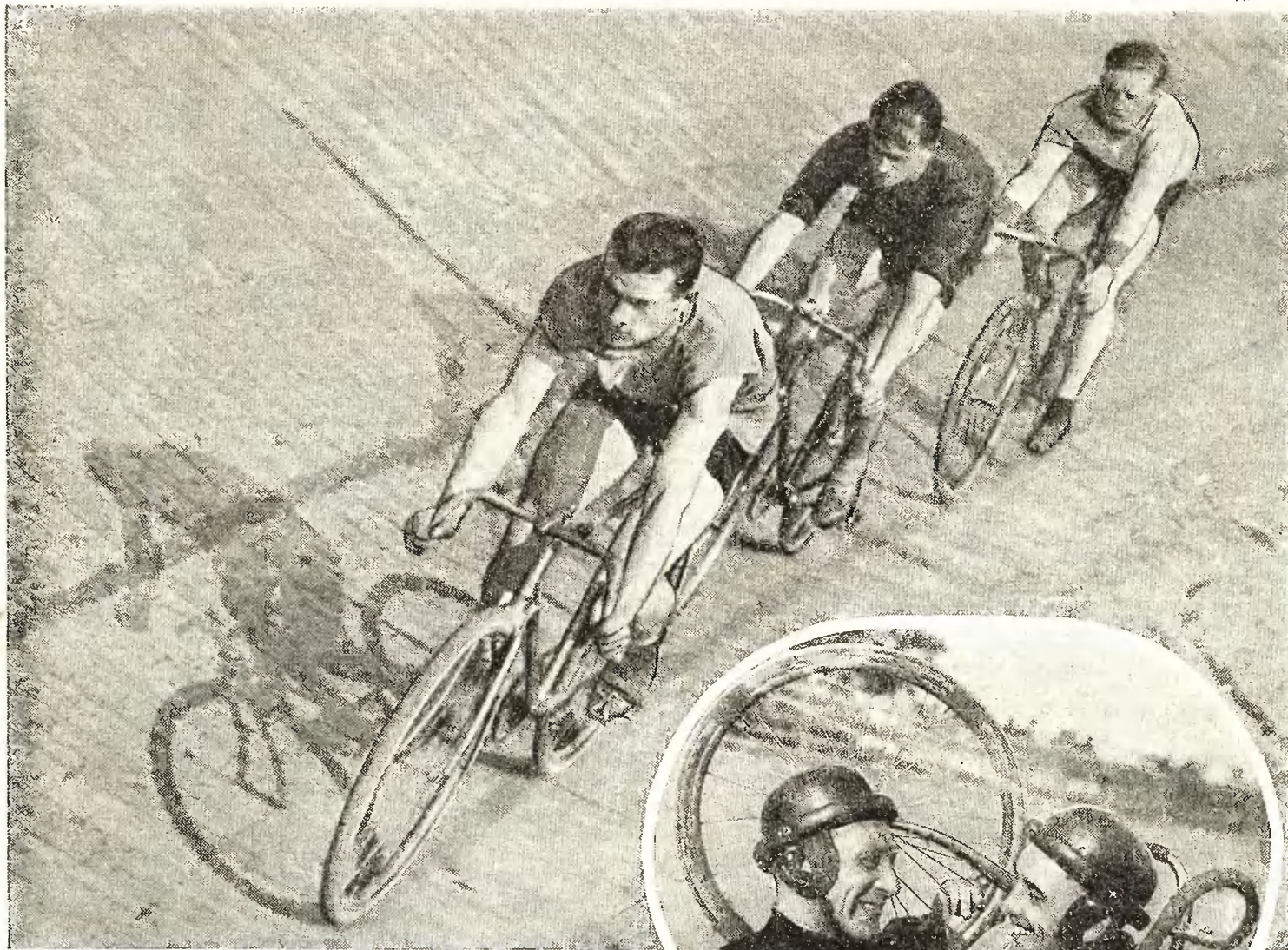
тельственных служащих, причем в его главе активными деятелями стали жандармский ротмистр Будаговский, судебный следователь Майдачевский, исправник Вивулеский и некоторые другие полицейские лица».

Отдавая в дальнейшем дань «патриотическим идеалам» указанных лиц, н. д. губернатора не может удержаться от «упрека, который им всем, и в особенности ротмистру Будаговскому, должно сделать—это проведение антисемитических воззрений в их служебной деятельности». И дальше: «местная власть в целях поддержания влияния союза вступила в слишком тесные дружеские отношения с отдельными его членами, не относясь всегда с достаточной разборчивостью к их личным качествам». Н. д. губернатора вынужден признать также, что эти «качества» далеки от идеала, что главаря союза—«люди нетрезвые и невоздержанные, а между тем эти лица находятся под особым покровительством местных властей, и их выходки анти-еврейского характера проходят им безнаказанно, что факт разброса в предвыборное время массы прокламаций с угрозами погрома

евреев, в случае их участия в избрании выборщиков, был не донесен полицией высшей администрации».

«Кроме того,—продолжает докладывать Шидловский,—в частных разговорах с командированным мною чиновником исправник Вивулеский и ротмистр Будаговский, не без некоторого внутреннего одобрения, высказывали, что погром «жидов» весьма вероятен, но что их на этот раз не будут грабить, а будут лишь резать, а на вопрос чиновника о принятии мер к недопущению погромов оба лица слишком преждевременно высказывались за будущую неуспешность таковых. Характерно отметить, что ту же фразу о «резании жидов» сказал тому же чиновнику один из крайних неофициальных представителей союза».

Нет нужды говорить о том, что большинство союзников и правительственных чиновников оставались безнаказанными за совершаемые ими преступления и насилия над беззащитным еврейским населением. Если же, в редких случаях, царский суд, подавляемый беспощадностью улик, вынуждался иногда осуждать убийц и граби-

Двухдневные международные велогонки на велодроме Трехгорной М-ры в Москве привлекли около 3.000 зрителей. Латвийские велосипедисты значительно уступают нашим гошцикам. Командный вело-матч выиграли москвичи. Гонку на 1 км. выиграл Миронов. Исключительный результат в этот день показал Гр. Козлов и занял за лидером на 20 км. Этот результат ставит Козлова в ряды лучших мировых любителей гошциков.

На снимках: * 1. Момент гонки. * 2. Победитель Козлов с лидером т. Будановым

телей, то против него поднимался страшный вой, открывался «крестовый поход» со стороны черносотенных организаций и деятелей. В дело вмешивались министры, и весьма часто и сам царь становился на защиту осужденных уже судом погромщиков.

Знаменитый черносотенный адвокат П. Ф. Булацель в одной из своих челобитных на имя царя по поводу осужденных судом симферопольских погромщиков писал, между прочим:

«Именем вашим Симферопольский окружный суд и многие другие суды, как, напр., Московский, Одесский, Тульский и Нижегородский, творят вопиющие несправедливости (?), преследуя и наказывая не тех революционеров, которые дерзко восставали против царя, а тех русских патриотов, которые защищали вашу честь и свою собственную жизнь от яростных нападенний террористов». Описывая далее, как «дружинники еврейской революционной партии в Симферополе» напали, в количестве 300 человек, вооруженные «новейшими револьверами», на «безоружных русских каменщиков и плотников», мирно прогуливавшихся с портретом своего царя, Булацель рассказывает:

«Безоружная толпа русских пришла в такую ярость, что начала тут же выворачивать

деревья, ломать заборы, вырывать колья и с такими первобытными орудиями поспеша смерти и уничтожение туда, откуда стреляли из револьвера. Сверхшлось страшное кровавое дело. Крики ужаса и смятения смешались со стоном раненых, падавших под ударами дубин. В несколько минут было убито... 47 евреев».

Можно себе представить, сколько было бы жертв, если бы эта «мирная и безоружная толпа каменщиков» была вооружена. Несмотря на защитительную речь Булацели, длившуюся в течение 12 часов, Симферопольский суд осудил 13 обвиняемых из числа 35. Сам Булацель признает, что трое из них избиты в «присвоении пещей, провавшихся во время погрома из еврейских лавок».

«Общественное мнение на юге России, — угрожает тем не менее Булацель царю, — не успокоится до тех пор, пока по вашему, государь, приказанию не будет произведено, особо уполномоченным сенатором, строгое, беспристрастное расследование вопиющего поведения судебного следователя Панкратьева, тов. прокурора Пенского и городского головы Ракова, известного своим низкопоклонством и заискиванием перед революционными деятелями. Будьте грозны, государь, к вашим врагам, но по

отношению верного вам народа и войск проявляйте неистанно милосердие и щедроты, дабы народ чувствовал и знал, что сила самодержавного, православного царя не ослабела и не ослабеет во веки веков».

На такие челобитные царь обычно накладывал краткие резолюции о прекращении дела или помиловании уже осужденных. В этом отношении чрезвычайно характерна документ - телеграмма. Одесский градоначальник Григорьев, популярный среди населения города за об'ективное и твердое отношение к своему служебному долгу, в телеграмме от 9 мая 1907 года, за № 4348, на имя Столыпина доносит:

«Приподнятое настроение против евреев началось 4 мая, когда при участии генерала Каульбарса была поставлена в городском театре «Жизнь за царя». На спектакль прибыл генерал Каульбарс, обыкновенно нигде не показывавшийся. Вечером настроение против евреев было крайне враждебное. 7 мая произошло зверское убийство пристава и околотового. Несмотря на то, что бомбист оказался русским, население приписало злодеяние евреям. Сегодня «Русская Речь» призывает русских к личной расправе. По агентурным сведениям 7 мая в 6 часов вечера в чайной союза русского народа состоялось постановление

устроить погром 8 мая при возвращении с похорон. В ночь на 8 город занял войсками. Вчера, при прохождении похоронной процессии, вблизи костела сделаны были несколько выстрелов. Началось смятение. Оценил 4 квартала казаками. Сделал обыск. Безрезультатно. Большого труда стоило успокоить население. Погром висел на волоске. К 6 часам вечера улицы опустели. Магазины закрылись. Сегодня спокойно. Откровенно должен заявить, что пока генерал Каульбарс будет открыто выражать сочувствие действиям С. Р. II, и стоять во главе этой политической партии, оставаясь в Одессе, каждый день можно ожидать ужасной катастрофы, с открытым покушением на его жизнь. Тогда остановить погром будет невозможно. В виду того, что командующий войсками и генерал-губернатор распоряжаются из кабинетов, месяцами не выходят из квартир, не видят действительности, работать крайне тяжело».

Начальник Кубанского областного жандармского управления 13 марта 1907 г., на имя командира отдельного корпуса жандармов, свидетельствует нам также покровительство, оказываемое высшими органами царской власти на местах союзническим организациям. В виду распространявшихся в Армавире слухов о готовящемся погроме, местный атаман Лабинского отдела полковник Семеновский издал следующий приказ от 9 марта 1907 г.:

«До моего сведения дошло, что С. Р. II или черная сотня готовится на днях учинить в Армавире погром. Довожу до сведения всех, что против виновников, к каким бы они партиям ни принадлежали, мною будут приняты самые строгие меры для подавления насилия и беспорядков, включительно до употребления в действие войск и оружия».

Союзники, привыкшие к побрякушкам и безнаказанности, были, разумеется, крайне

смущены столь «неслыханным» обращением и тоном, ибо до сих пор оружие применялось властями только в защиту погромщиков.

«Получив эти сведения,—докладывает начальник Кубанского жандармского управления,—я сейчас же отправился к заместителю начальника области генерал-майору Касикину. Он при мне же сделал следующие телеграфные распоряжения. Предложил полковнику Семеновскому немедленно изъять из обращения приведенное выше объявление и прибыть для объяснения своих действий в Екатеринбург, а о случившемся по телеграфу доложить находящемуся в Тифлисе начальнику области, генерал-лейтенанту Михайлову. Донося об изложенном, докладываю, что в Армавире очевидно поддерживается тенденция против С. Р. народа. В подтверждение «тенденции» против С. Р. народа, жандарм приводит «воинствующие» случаи, когда армавирские священники Иоанн Капранов и Георгий Чмутов два раза отказали членам этого союза служить молебам по случаю открытия действий союза, при чем священник Чмутов во всеуслышание (о, ужас! Е. Л.) объявил в церкви, что он не признает никаких союзов».

Разгул черносотенной реакции и бесправность еврейского населения достигли своего апогея в многострадальной Одессе.

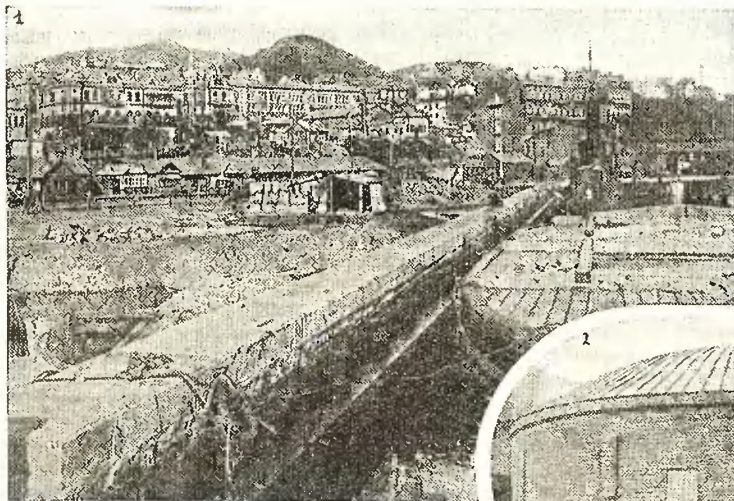
Случайный корреспондент «Дейли-Телеграф» в № 251 за 1907 г., описывая одесские настроения того времени, говорит: «Цивилизованная Европа, быть может, никогда не знала того ужасного положения вещей, как то, которое ныне господствует в Одессе, где при полумиллионном населении, многочисленной полиции и 20.000 войск отряды хулиганов со значками союза русского народа при дневном свете грабят и убивают мирных граждан, преимущественно евреев. По какой-то таинственной причине полиция как бы находит невозможным следить за виновными. Не было

еще случая, чтобы последние понесли достаточное наказание».

Тот же корреспондент сообщает, что в официальном дневнике чиновника особых поручений при градоначальнике, Подольцева, попавшем в руки сенатора Кузьмипского, расследовавшего одесский погром, говорится, что генерал Каульбарс во время погрома посетил градоначальника Нейдгардта и в речи перед властями сказал: «Надо быть откровенным и называть вещи своими именами... все мы сочувствуем в душе этим избиениям... Источенный таким положением дел, генерал Григорьев, считавший генерала Каульбарса виновником и вдохновителем одесских погромов, решил ехать в Петербург, чтобы сказать на аудиенции у государя всю правду, дабы он мог положить конец преступлениям союза. Аудиенция была дана, и глубоко взволнованный старый генерал ждал появления царя. Но когда государь явился, то генерал, к своему ужасу, увидел на его груди значок С. Р. II. Тот самый, который он так часто видел на груди участников погрома. Это так на него повлияло, что, забыв тщательно обдуманную речь, генерал, запинаясь, произнес несколько общих мест, как верноподданный, и смущенно удалился. Немедленно затем председатель совета министров сообщил ему, что государь соизволил освободить его от должности одесского градоначальника. Огласив генерала Григорьева, вместе с последующим актом высочайшей милости, освобождающим всех осужденных одесскими судами за ограбление или убийство евреев, было достаточно замечательно и, естественно, еще более поощрило союзников».

В результате Одесса превращалась в пустыню: замерли торговля и промышленность, разбежалась состоятельная еврейская буржуазия, и в городе оставалась лишь еврейская беднота. На ее спинах и «перипах» генерал Каульбарс и черносотенная банда продолжали удерживать самодержавный режим

ВЛАДИВОСТОКСКИЙ ПОРТ

На снимках: * 1. Общий вид постройки Коммерческой набережной. * 2. вновь построенное масло-хранилище емкостью в 2.000 т.

Интенсивный грузооборот, наличие военного порта, обеспеченный тит, в виде почти оккупированной Манчжурии, прорезанной русской ж.-д. магистралью, создали весьма благоприятные условия для коммерческого порта, который быстро стал оборудоваться, а город, прилепивший к нему, рос не по дням, а по часам. Мировая война дала Владивостоку сравнительно много, так как в это время Владивостокский и Архангельский порты, а потом еще Мурманский, могли обслуживать громадную территорию России и ее военный флот, что вызвало лихорадочное оборудование порта временными причалами, накатками и т. п. для грузооборота, достигшего 160 милл. пудов в 1916 г. После этого рьянская война, интервенция, эвакуация меркузовского правительства—нанесли сильный удар благосостоянию порта. Особенно это отразилось на плавучих средствах не только портового управления, но и всего порта в целом, которые почти все были вынуждены из порта от беженцами. С большим трудом удалось вырвать из рук эвакуирующихся органически необходимые порту ледоколы «Добрыня Никитич» и «Казак Поляков». Сооружения же порта за это время сильно испортились за отсутствием регулярного ремонта, а сооружения военного времени в большей части по своей конструкции были недолговечны. Таким образом, начало работы Владивостокского порта под флагом СССР совпало с отсутствием плавучих средств и потребностью крупного восстановительного ремонта сооружений. В настоящее время центром отпущено на строительство Владивостокского порта свыше 12 миллионов рублей. Строительство сейчас в самом разгаре: возводятся новые причалы, ремонтируются набережные, строятся новые масло- и нефте-хранилища, новые пакгаузы. Порт с каждым днем расширяется, и его пропускная способность увеличивается. Еще через год, через два, он станет одним из первых портов как по своей пропускной способности, так и по оборудованию.

Для чего наблюдают затмения

О черк

Я. Перельман

Предстоящее 29 июня текущего года солнечное затмение будет видно как полное лишь в узкой 60-километровой полосе, пересекающей северную Англию и всю Скандинавию. Туда и направляется множество экспедиций астрономов из разных стран Европы и Америки, в том числе и из СССР (из Ленинграда и Москвы). Но фаза полного затмения длится всего несколько минут, а на этот раз будет особенно кратковременна. Есть ли смысл ради столь быстротечных наблюдений снаряжать далекие и дорого-стоющие экспедиции? Разве нельзя производить те же наблюдения на месте, не дожидаясь такого, в сущности, совершенно случайного события, как заслонение солнца луною?

Такие попросы нередко приходится слышать в широких кругах не-специалистов. Один из них высказывает даже удивление, почему астрономы не догадались до сих пор производить солнечное затмение искусственно—просто заслоняя в телескопе изображение солнца непрозрачным кружком

ним звездами, каким оно представлялось бы нам даже днем при отсутствии атмосферы. Закрыв солнце кружком, оставаясь на дне воздушного океана, мы хотя и защищаем глаза от прямых лучей дневного светила, но небо над нами попрежнему залито солнечным светом и продолжает рассеивать лучи, затмевая звезды. Другое дело, если заслоняющий экран находится далеко за пределами атмосферы. В луне мы имеем именно такой экран, помещенный от нас в тысячу раз дальше крайней границы атмосферы (и при том случайно имеющий поперечник ровно во столько раз меньший поперечника солнца, во сколько раз он ближе, чем солнце). Лучи солнца задерживаются таким экраном раньше, чем они проникают в земную атмосферу,—и рассеивание света в затененной полосе тем самым предупреждается. Правда, не полностью: в область тени проникают все же немногие лучи, рассеиваемые окружающими светлыми областями,—и потому небо в момент полного солнечного затмения никогда не бывает так черно, как в полночь.

Теперь перейдем к задачам, которые ставят себе астрономы во время полных солнечных затмений. Главных задач—три.

Первая—наблюдение «обращения» спектральных линий в наружной оболочке солнца. Линии солнечного спектра, при обычных условиях темные на светлой ленте спектра, мгновенно становятся светлыми на темном фоне в момент полного покрытия солнца диском луны: «спектр поглощения» превращается в «спектр испускания».

Хотя это явление, дающее драгоценный материал для суждений о природе наружной оболочки солнца, может быть при известных условиях наблюдаемо и не только во время затмения, оно обнаруживается при затмениях настолько четко, что астрономы стремятся не упускать подобного случая.

Вторая задача—исследование солнечной короны. Корона—самое замечательное из числа явлений, наблюдаемых исключительно в моменты полного солнечного затмения: вокруг совершенно черного круга луны, окаймленного кровавыми, огнистыми выступами («протуберанцами») наружной оболочки, сияет жемчужный ореол различных размеров и формы в разные затмения. Длинные лучи этого сияния нередко в несколько раз больше солнечного поперечника, а яркость составляет примерно половину света полной луны. Природа солнечной короны до сих пор остается загадочной. Для разрешения ее астрономы производят во время затмений фотографические снимки короны, измеряют ее яркость, исследуют ее спектр в различных частях.

Наконец, третья задача, выдвигнутая только в последние годы, состоит в проверке одного из следствий общей теории относительности. Согласно учению Эйнштейна, лучи отдаленных звезд, проходя мимо солнечного шара, должны испытывать вли-

яние его могучего притяжения и претерпевать отклонение, которое должно сказаться в кажущемся смещении звезд, распо-

Рис. 1. Огненные выступы наружной оболочки солнечного шара (так наз. «протуберанцы»), обычно наблюдаемые в моменты полного солнечного затмения

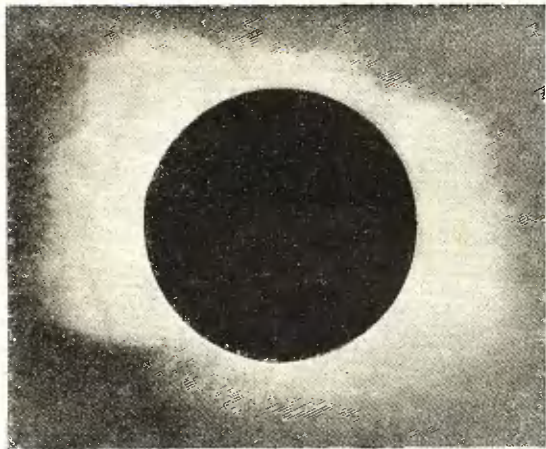

Рис. 2. Фотографический снимок «солнечной короны»—серебристого сияния вокруг солнца. Это красивое явление, природа которого еще не раскрыта наукой, может быть наблюдаемо только в моменты полного солнечного затмения

надлежащих размеров: ведь тогда можно будет с удобством наблюдать те самые окрестности солнца, которые так интересуют астрономов во время затмений.

Подобная мысль возникала, вероятно, у многих, и на ней поучительно остановиться. Зачем, в самом деле, подстерегать редкие моменты заслонения солнца диском луны, когда можно заслонить солнце лю-

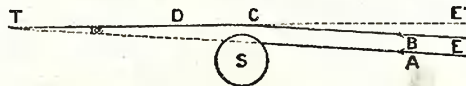

Рис. 3. Отклонение световых лучей действием могучего солнечного притяжения. По учению Эйнштейна, земной наблюдатель в Т видит звезду в точке Е', по направлению прямой ТДСЕ', между тем как в действительности она находится в Е и посылает свои лучи по искривленному пути ЕСДТ. При отсутствии солнца световой луч от звезды Е к земле Т направлялся бы по прямой ЕТ. Проверка этого следствия из общей теории относительности возможна только в моменты полного солнечного затмения

бым кружком во всякое время? Однако такое искусственное солнечное затмение никак не может дать того, что наблюдается при заслонении солнца луною. Дело в том, что лучи солнца прежде, чем достигнуть нашего глаза, проходят через земную атмосферу и рассеиваются здесь частицами воздуха. Оттого-то небо и кажется нам днем голубым, светлым сводом, а не черным и усыян-

ложенных на небе близ солнечного диска. Надо заметить, что измерения во время затмений 1919, 1922 и 1926 гг. не дали, строго говоря, решающих результатов, и вопрос об опытном подтверждении указанного следствия из теории Эйнштейна остается до сих пор открытым.

Из трех перечисленных задач в предстоящее затмение преследуется, главным образом, первая—обращение линий спектра. Исследование короны, из-за краткости фазы полного затмения, будет поставлено по сокращенной программе. Что же касается проверки теории относительности, то в это затмение приходится от него совсем отказаться,—опять-таки из-за кратковременности явления, а главное из-за низкого стояния солнца над горизонтом.

Но и этим наблюдениям, которые все же остаются в программе работ экспедиций, астрономы придают настолько большое значение, что не считают возможным уступить редкий случай пополнить свою науку сведениями, каких нельзя добыть при иных обстоятельствах.

К узкой полосе полного затмения прилегают области, где солнце только частью заслонится луною, а остальная часть диска дневного светила будет продолжать сиять на небе. Наш Союз представляет собою на этот раз такую область «частного затмения». Частное затмение представляет для науки весьма незначительный интерес. По им стоит полюбоваться, как редким, своеобразным небесным зрелищем (через дымчатое или густо закопченное стекло, чтобы не повредить глаз!). Наибольшая фаза частного затмения наступит в Москве в 7 час. 31 мин. по местному времени;

Рис. 4. Вид солнца в Ленинграде (слева) и в Москве (справа) в моменты наибольшей фазы предстоящего солнечного затмения (29 июня 1927г.)

будет заслонено около $\frac{3}{4}$ солнечного диска. В Ленинграде же покрыто будет—в 7 час. 36 мин. около $\frac{1}{5}$ солнечного диска.

Памятники борцам революции

1 мая в Эривани открыт памятник Сурену Спандаряну, члену центрального комитета ВКП (б) с 1912 г., побывшему в Сибири. На снимке — бюст памятника работы скульптора Ара Саркисяна.

Проект памятника в Лесном

В Лесном на братской могиле павших во время героической обороны Ленинграда от банда Юденича в 1919 г. будет поставлен памятник. Авторы проекта худ.-архитектор Катонин и скульптор проф. Машаев.

Памятник т. Сурену Спандаряну

Андрей Соболев

(К годовщине смерти)

После смерти Андрея Соболева его друзья озабочены о выпуске полного собрания его сочинений. Собрание это — в издании «Земли и Фабрики» — теперь вышло в законченном виде. Оно является лучшей биографией

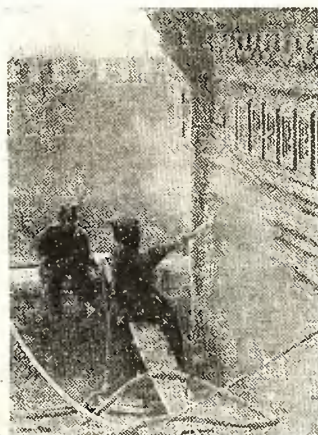
писателя: Андрей Соболев, как художник, был автобиографичен в каждой написанной им строчке. В его книгах читаем мы историю его жизни: юность, проведенная в подпольной революционной работе, военный суд, каторга, эмиграция, возвращение в февральскую революцию в Россию, после марта — работа в 12-й армии в качестве политкомиссара, затем Октябрь, и тяжелый душевный кризис, отмеченный сперва отказом от революции и снова ее принятием. Очень сложный психологический процесс, переживаемый его героями, — в

сущности искривает те противоречивые, мучительные и страстные порывы самого Соболева. Это был писатель необычайной искренности, большого темперамента, и той особой человеческой наблюдательности, которая позволяла ему с необыкновенной лаской и теплотой говорить об «уставших людях». «Уставшим» умер и Андрей Соболев. Он похоронен на кладбище Ново-Девичьего монастыря и на надгробном его памятнике высечены слова, очень верно и очень точно обозначающие отношение к Соболеву всех, с кем был он связан в жизни: «Товарищу и другу».

Механическая чистка стен

В Москве много домов с фасадами, выложенными белым камнем. Под влиянием атмосферных осадков, уличной пыли и дыма через 4—5 лет белый камень принимает грязный вид, придающий мрачный характер всей застройке. Обновить фасад — значит надо ставить дорогие леса и сбивать вручную слой камня. Дорогая и кропотливая работа.

Несколько дней назад в ГУМ с начались интересные работы по очистке

фасада путем сухой «промывки» его речным песком.

Работы эти выполняются Мостроем, применяющим американский способ чистки фасадов каменных зданий струей хорошо промытого речного песка, подаваемого в трубу под давлением воздуха в 4—5 атмосфер.

На грузовике-автомобиле с откидными стенками установлен мотор в 60 л.с. сил, соединенный с особым прибором — компрессором, который качает воздух, идущий по толстым шлангам в прибор, напоминающий гигантские песочные часы. В верхнюю часть этого прибора через каменные полнотелые засыпают по ведру песка. Особый кран закрывает приток воздуха, и, благодаря этому, песок на верхнего отделения пересыпается в нижнее. Кран повернут — и песок уносится струей воздуха в брандспойт. Брандспойтом работает

мастер, одетый в спецодежду, с маской на лице и двойными очками на глазах.

Мощная струя воздуха с песком сметает камень, тщательно его полирует, очищает от всей грязи и придает ему свежий, белый вид.

Механическая очистка фасада обходится в 1 р. 50 к. с квадрат. саж., а при ручной работе она обоилась бы до 20 руб.

На месте рождения А. С. Пушкина

47 лет назад, в 1880 г., в связи с открытием памятника Пушкину в Москве, возник вопрос об увековечении места рождения великого поэта. Тогда же городской управа, на основании не проверенных сведений, отметила, как место рождения, Пушкина, д. № 27 на Немецкой улице (ныне ул. Баумана). На доме была прикреплена мраморная доска с надписью: «Здесь 26 мая 1799 года родился А. С. Пушкин». Однако серьезные архивные разыскания тогда же установили, что место рождения Пушкина отмечено неправильно. Однако мемориальная доска продолжала висеть на прежнем месте. Три года назад, по инициативе общества «Старая Москва», снова был поднят вопрос о пересмотре всех архивных материалов, связанных с домом, где родился Пушкин. Специальная комиссия из исследователей Москвы и пушкинистов, после долгого и всестороннего

изучения всех материалов, установила, что место рождения Пушкина — дом № 10 по ул. Баумана. Все строения этого владения, бывшие во пре-

мена Пушкина, сгорели в 1812 г., по границе самого владения до сих пор сохранились в неизменном виде.

На основании произведенных исследований, Моссовет постановил старую мемориальную доску с дома № 27 снять, а на доме № 10 укрепить новую с надписью: «Здесь был дом, где 26 мая (6 июня) 1799 г. родился А. С. Пушкин». Торжество открытия новой мемориальной доски состоялось в воскресенье, 3 июня. На торжестве присутствовали родственники Пушкина — его внуки и правнуки.

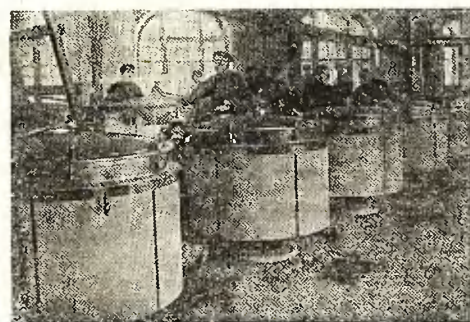

Группа писателей и ученых на торжестве открытия мемориальной доски. В группе — Г. А. Пушкин, внук поэта (с тростью и руками)

Кухня-фабрика

1 мая в П.-Новгороде открылась кухня-фабрика. Здесь все механизировано: хлебобулочная парелет хлеба, машина моет посуду, чистит полки и винны. Для разнообразия обедов на заводе и в цехах готовятся особые термосы, в которых пища может сохраняться в горячем виде в продолжении шести часов. Каждый термос вмещает до 50 жидких блюд и около 100 вторых. Обед на 2 х блюд стоит 25 коп. Ежедневно отпускается до 3.000 обедов, но есть возможность довести отпуск до 10.000 обедов в сутки.

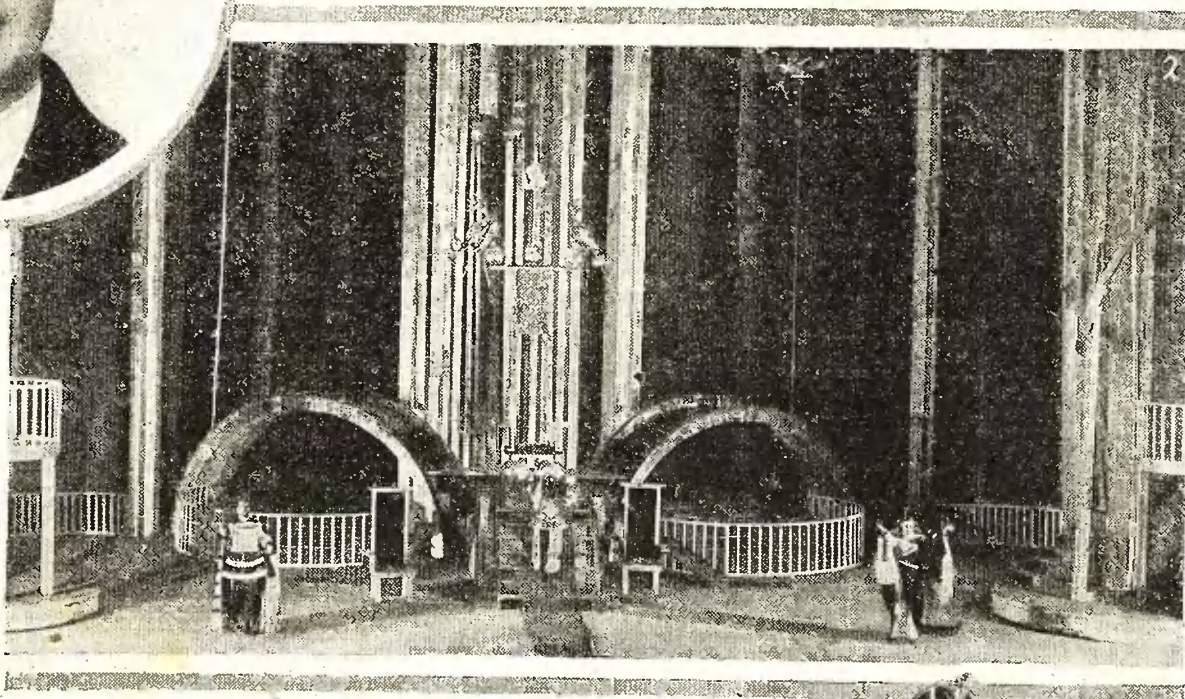
Таких фабрик в СССР имеется всего две: в Иваново-Вознесенске и открытая в Н.-Новгороде. Фабрики-кухни предполагается еще построить в Москве и Ленинграде. На снимках: наружный вид кухни-фабрики; паровые котлы для варки пищи.

Новости театра

„ЛЮБОВЬ К ТРЕМ АПЕЛЬСИНАМ“

Московский Большой театр показал одну из самых крупных своих работ — оперу С. Прокофьева «Любовь к трем апельсинам» на сюжет сказки итальянского драматурга Карло Гоцци (1722—1806). Обращение к творчеству Гоцци, основанному на элементах народного итальянского, отчасти и французского, театра, диктовалось стремлением уйти от власти литературы, психологизма, пагу-

рализма и обновить сценические приемы элементами условной игры, фантастики, феерии. С. Прокофьев своей музыкой подчеркнул в сюжете сказки-пародии Гоцци гротескное, издевающееся над всем тем, что вылилось в устойчивые формы привычно «красивого». Он зло и остро иронизирует и над лирикой в духе Пуччини (тема апельсин) и над Вагнеровской символикой (5 раз повторены в опере «царственные» фанфары), и над иллюстрирующим оркестром.

Гоцци полагал, что пародия должна быть сильно преувеличенной, и Прокофьев хорошо это усвоил; Гоцци задался целью дать в «Любви к трем апельсинам» пародию на современную ему драму, — пародию, «лишенную серьезных ролей и целиком сотканную из общего путешествия всех персонажей», а композитор еще более усилил этот элемент отрицания всякого «положительного» значения и сюжета, и сценических характеров. Его музыка — сплошной плакат-карикатура, мозаически разорванный на мелкие элементы звучащий. Здесь все «ненастоящее», это даже отрицание своей собственной формы, — оперы-буфф, феерии, ибо она пародирует и этот самый жанр. И вот это непрерывное пизвержение привычных норм красивого, привычного (правда, в пестроте приемов Прокофьева мы найдем многое и от старых оперных изобразительных и символических приемов), это безудержное пародирование создает какую-то монотонную остроту; она превышает смкость внимания слушателя, притупляет его восприимчивость и, естественно, преждевременно утомляет. Нельзя, однако, не подметить зародившейся будущих положительных выводов из прокофьевского отрицания: это — лаконичные выразительные моменты в музыке, тесно сливающиеся со словом, жестом, сценическим моментом, это — музыка, которая усиливает смешное, карикатурное; это — новые приемы сатирического обличения, вытекающие во многом из «правды в звуках», завещанной Даргомыжским и Мусоргским, наконец, это — попытка набросать эскиз новой формы авантюрно-феерической оперы без «переживаний». Этот новый оперный стиль Прокофьева выражается не в изобретении новых средств, а в неожиданном, часто умышленно упрощенном сопоставлении старых, друг другу чуждых, аккордов и тональностей, в привнесении резко диссоциирующих тонов в простой аккорд, в мелодических оборотах, нарочито построенных «от образного», по сравнению с обычными.

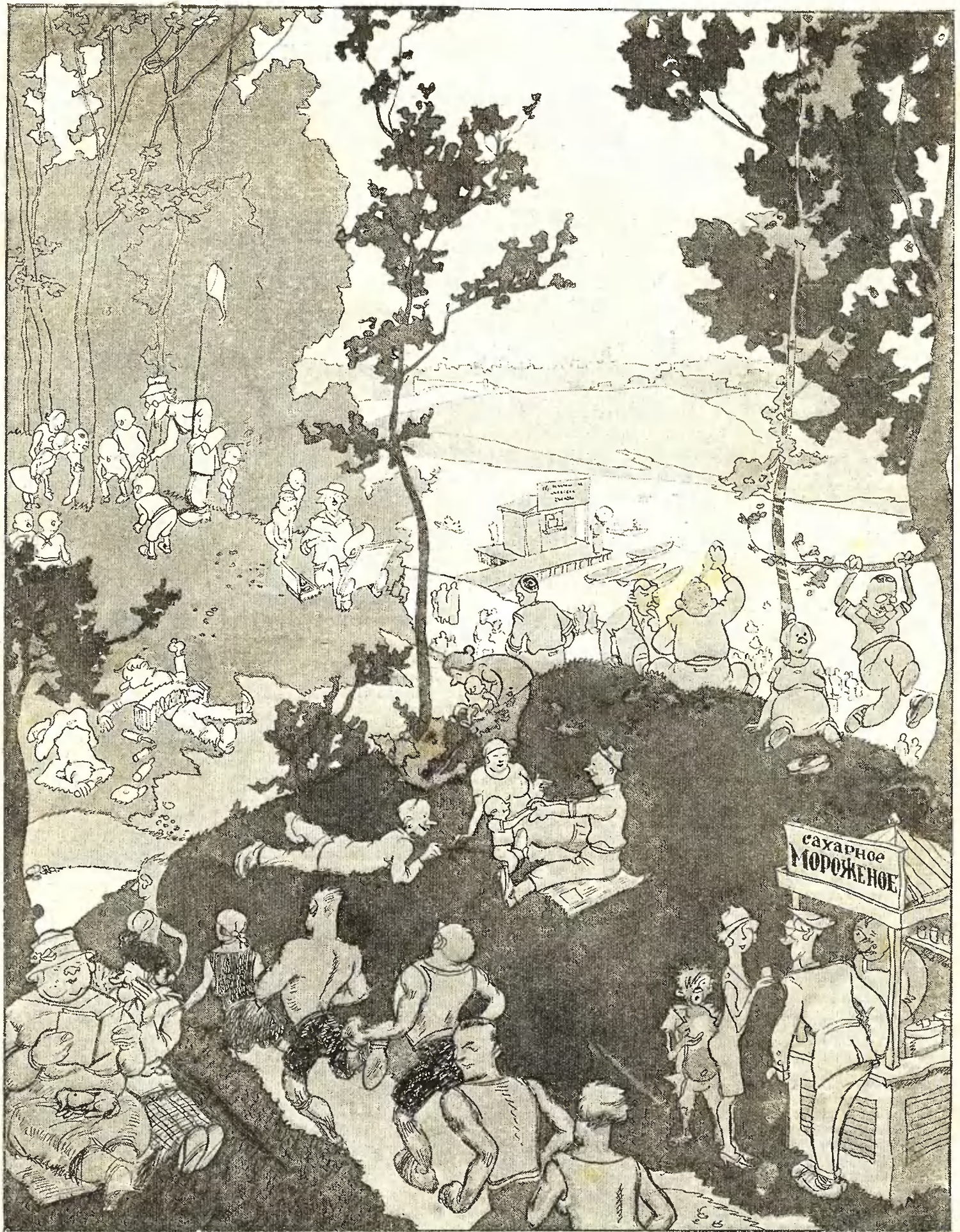
Постановка оперы в Большом театре сосредоточилась на самом соблазнительном для театра с большими техническими ресурсами. Театр показал необычайно пыльную феерию. Художник Рабинович и режиссер Диккий разыграли блестящий спектакль. Но режиссурой и генеральными не сделано еще главное: игра актеров не вызвала у слушателей гомерического, потрясающего смеха; в исполнении актеров-певцов не было ни остроты пародии, ни сатиры, ни яркости, ни выразительности ритма и жеста. Один лишь Барышев (Труффальдино) был на сцене подлинным

- * 1. Сергей Прокофьев.
- * 2. I акт
- * 3. Труффальдино
- * 4. Маски

шутом — пародистом, остальные повторяли чуждые музыке и сюжету оперные приемы игры, вокализации и декламации.

С. ВУТОСЛАВСКИЙ

На Воробьевых горах в праздничный день.

Рис. для «Кр. Нивы» И. Гатилова

В РАЧИ И ЛЕЧЕБНИЦЫ

ПОЛИКЛИНИКА

Медицинской секции ЦЕНУБУ (б. Кувбу).
Арбат, Гагаринский, 37, уг. Плотникова (б. Никол.). Тел. 3-65-40.
Прием ассистентами клиник по всем специальн. ежедневно 10-8 ч.
КОНСУЛЬТАЦИЯ ПРОФЕССОРОВ по предвар. записи.

ВНУТР.	ЖЕНСКИЕ.	УРОЛОГИЯ.
Бурмис чет. 3 ч.	Благоволин суб. 12 ч.	(Мочепол. и гоноррея).
Вихер пят. 3 ч.	Брауде чет. 2 ч.	Лейнен ср. 3, пят. 5 ч.
Зеленин пят. 7 ч.	Казанский ср. 3 ч.	Соловов чет. 7 ч.
Ключарев ср. 3 ч.	Снегирев лт. 2, пт. 4 ч.	Фроштейн пон. 4 ч.
Кочаловский чет. 6 ч.	ГЛАЗНЫЕ.	КОЖН. И СИФИЛИС.
Павлинов пт. 12, вост. 1 ч.	Авербах чет. 1 ч.	Вельоровский вост. 2 ч.
Плетнев (в отпуску)	Благоволинский лт. 12 ч.	Иордан пон. 1 ч.
Росийский ср. 3 ч.	Головин (в отпуску)	Мещерский ср. 2 ч.
Фромгольд вт. 4 ч.	Однцов суб. 3 ч.	Павлов суб. 1 ч.
Первинский пт. 11 ч.	НЕРВНЫЕ.	УХО, ГОРЛО, НОС.
Щуровский востр. 10 ч.	Бродский пон. пт. 5 ч.	Малютин пон. 6, чет. 4 ч.
Ироцкий пон. 3 ч.	Дехтерев ср. суб. 5 ч.	Серебрянников пт. 2 ч.
ХИРУРГИЯ.	Минор чет. 5 ч.	Шнейдер ср. 4 ч.
Бурдико пон. 6 ч.	Сепи вт. 1, пт. 3 ч.	ЗУБН. ХИРУРГИЯ.
Мартьянов вт. 4 ч.	Хорошко (в отпуску)	Данилевский ежедн. 5 ч.
Розанов ср. 6 ч.	Чугунов лт. 5, востр. 3 ч.	Единомов (в отпуску)
Спасокукоцкий лт. 7 ч.	ОРТОПЕДИЯ.	Зубоврач. отд. (леч., хирургия, пломб., искусств. зубы) 10-8 ч.
Теребинский чет. 6 ч.	Бом ср. 4 ч.	РЕНТГЕНОВСКИЙ ИНСТИТУТ (просв., снимки, лечение) 3-6 ч.
ОРТОПЕДИЯ (костный туберкулез, различн. искривлен. и др.) 3-6 ч.	Шенк (в отпуску)	РЕНТГ. КАБ. (снимки) 3-8 ч.
ЗУБОВРАЧ. ОТД. (леч., хирургия, пломб., искусств. зубы) 10-8 ч.	ЭЛЕКТРОЛЕЧЕБНЫЙ КАБИНЕТ (психоэмоциональные анализы) 10-7 ч.	ЛАБОРАТОРИЯ (психоэмоциональные анализы) 10-7 ч.

ВОСКРЕСНЫЙ ПРИЕМ от 10 до 4 ч.

ЛЕЧЕБНИЦА Т-ва ВРАЧЕЙ

б. О-ВА РУССКИХ ВРАЧЕЙ, сущ. с 1861 г. Арбат, 25, телеф. 3-70-85.

Внутренние	Женск. акуш.	10-7.
Конно-лечер 9-12; 3-8.	Первые 10-12; 3-5; 7-8.	
Ухо, горло, нос 9-11 1/2 и 3-7.	Зубные и искусств. зубы 9-8.	
Детские 10-6.	Врач. косм. помет. птн. 1-3.	
Мочеполовые 12-3; 7-8.	(моч. угрей, вторич. чист. 12-1.	
Глазные 10-2; 5-7.	пяти, воло-	
Хирургия 9-12; 2-7.	солочение) среда, субб. 7-8.	
По воскресеньям прием больных 9-2 час. Вызов врачей на дом.		
ЭЛЕКТР. СВЕТ. ЛЕЧЕБ. КАБИН. Горное солнце-пон., среда, птн. —		
5-7; вт., четв., субб.—12-2. РЕНТГ. КАБ.—пон., среда, птн. —		
1-2 1/2, вторич., четв., субб.—5-7. Хирург. полости рта. Анализы.		
ПРИЕМ И КОНСУЛЬТАЦ. ПРОФЕССОРОВ ежедн. по предварит. записи		

Частная СТАРО-ТРИУМФАЛЬНАЯ ЛЕЧЕБНИЦА доктора КАГАНА

Сидовия, уг. Тверск., д. 2/70, т. 5-94-40. Пр. по спец. и консульт. проф.	Хирургия 2-4.
Внутренние 10-8.	Женск. и акуш. 8-8.
Кожн.-в. и мочеп. 8-8.	Первич. 6-9.
Вл. Сальварсана «914» 10-3; 5-8.	Туберкулез 8-10; 4-6.
Ухо, нос, горло 10-3; 5-8.	
Зубные—с 8-8 ч. Глазные, подбор очков—8-10, 3-5 1/2.	

Частная ЛЕЧЕБНИЦА Н. И. ГИММЛЕР — МО- для страдающих ЗАИКАНИЕМ. (Основана в 1896 г.). При лечебнице ПАНИОН.

Менщ.-врач Л. Я. СПЕСИВЦЕВА Женск., кожн. и вен. бол. Пр. 9-10, 4-7. Покровка, Подсосенский пер., д. 22, кв. 16 (бывш. Введенский, против Лялина), 4-й этаж.

Д-р НАТАНСОН СИФИЛ., МОЧЕП., ВЕН. И КОЖН. бол. Пр.: 9-12 и от 4-8 ч. Покровка, 38, кв. 13 (близ Курск. вокз.).

ЛЕЧЕБН. КАБ. д-ра Н. В. АПИРЯНА. Тверская, Страстной бульв., 4, (сущ. с 1906 г.). Прием 10-12 и 5-8, женщ. 4-5. СИФИЛ., КОЖН., ВЕНЕР., МОЧЕПОЛ.

Женщ.-врач С. И. РАЗУМОВСКАЯ. Женск. бол. и акушер. Пр. 9-10, 3-6. Тверская, Советская пл., Столешн. п. (б. Космод.), д. 6, кв. 3. Т. 1-78-10.

Частная д-ра ГДАЛИНА МЯСНИЦКАЯ ЛЕЧЕБНИЦА

Детские с 8-8 ч. п.	Мочеполовое отд. с 8-8 ч. п.
Внутренние с 8-8 »	Уха, горла и носа 8-8 »
Хирургические с 8-8 »	Туберкулез легких с 9-12 и 5-7 »
Женские и акуш. с 8-8 »	Болезни сердца с 9-12 и 5-7 »
Желудочные и киш. с 8-8 »	Зубные: лечение, пломб.
Первые с 8-8 »	и искусств. зубм с 8-8 »
Венерические с 8-8 »	Глазные и подб. очков с 9-8 »
Сифилис с 8-8 »	Анализ (кровь, моча и др.) с 8-8 »
Кожные, леч. угрей и пс-тис, леч. вол. с 9-8 »	

РЕНТГЕНОВСКИЙ КАБ.: просвечивание, снимки и пр. с 9-2 и 7-8 ч. п. ВЫЗОВ ВРАЧЕЙ НА ДОМ ПО ВСЕМ СПЕЦИАЛЬНОСТЯМ. Прием и консультация профессоров е ж е д н е в н о. По воскресеньям прием от 9-4.

Ч А С Т Н А Я СЕЛИВЕРСТОВСКАЯ ЛЕЧЕБНИЦА

ВРАЧЕЙ ГИРШФЕЛЬДА и БРУЦКУСА

Сретенские ворота, вход с Милотинского пер., д. 4/19. Тел. 4-68-22.	ПРИЕМ ПО СПЕЦИАЛЬНОСТЯМ:
Детские с 8-8	Вол. сердца с 12-2
Горлов., ушн., носов. с 8-8	Кожн., моч. угрей и птн. 8-8
Венерич. и мочепол. с 8-8	леч. волос (вып., перх.) 8-8
Женские и акушерск. с 8-8	Костный туберкулез 7-8
Хирургическ. с 8-8	Искривл. позв., с «мн. корс.» 8-8
Глазные (подбор очков) с 8-8	Зубн. бол., пломб., нек. зубы 8-8
Желудочные и кишечные с 8-2	Рентг. каб., снимки 10-1
Первые и внутр. с 8-8	Все виды асцитического, туберкулез легких с 8-12 и 6-8
Туберкулез легких с 8-12 и 6-8	горное солнце и ванны 8-8

АНАЛИЗЫ (кровь и моча). Вызов врачей на дом по всем специальност. По воскр. и праздн. прием с 10-2 ч. : Консультация профессоров.

Частная колл. врачей СМОЛЕНСКАЯ ЛЕЧЕБНИЦА.

Смоленский рынок, 2/17, уг. Арбата (ход с Арбата). Тел. 72-72. Внутренн. 9-9. Нервные 9-2; 4-8. Ухо, горло, нос и хирургия. 9-9. Женские и акушерство. 9-9. Венер., кожн., сифил., мочеп. 9-9. Глазные и подбор. очков. 2-4. Электро-леч. (горн. солнце, диатерм.); рентген (сним. просвечн.); анализы. ВЫЗОВ ВРАЧЕЙ НА ДОМ. ПРИЕМ И КОНСУЛЬТАЦ. ПРОФЕССОРОВ.

Частная СПЕЦИАЛЬНАЯ ЛЕЧЕБНИЦА БОЛЕЗНЕЙ УХА, НОСА и ГОРЛА

с постоянн. кроватями д-ра А. Я. ШАПИРО (Сущ. с 1907 г.) неглинный пр., 17, кв. 2, 2-й этаж, против Госбанка. Тел. 2-13-94. ПРИНИМАЮТ: с 10-3 ч. Аким Яковлевич ШАПИРО. „ 3-5 ч. Семен Семенович БЕРЛЯНД. „ 5-8 ч. Василий Федорович ДЗИРНЕ. По воскр. и праздн. от 10-1 ч. Александр Солом. НАТАНСОН.

Д-р ШЕНФЕЛЬД СПЕЦИАЛЬН. НЕРВН. И МОЧЕПОЛОВЫЕ 10-1 ч. и 5-7; по праздн. 10-1. Б. Дмитровка, 12, кв. 3.

ЛЕЧЕ- ЗАИКАНИЯ. Д-р Н. И. АГАМАЛОВ. Вт., четв., субб. Градский пер., дом 2, кв. 26, от 6-7 ч.

Д-р ШАЛЫТ. Тел. 2-62-40. Нервн. болезни (ГИПНОЗ), прием ежедневно 5-7 час. Спиридоновка, 10, кв. 11.

Д-р ЭНТИН. Сиф. и вен. болезни. Анализы. Пр. во всякое время дни. Тверская ул., Брюсовский ц., д. 2, кв. 80; т. 3-52-19.

Д-р Я. И. ЗДРА- вомыслов. „Вопросы половой жизни“ 2 изд. пол. у автора на приеме Москворецкая, 35, кв. 3, т. 69-84.

ОБЪЯВЛЕНИЯ ВРАЧЕЙ И ЛЕЧЕБНИЦ ПРИНИМАЮТСЯ НА УСЛОВИЯХ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ИЗВЕСТИЯ ЦИК СССР И ВЦИК“

ПЛАНЫ УРОКОВ ФИЗИЧЕСКИХ УПРАЖНЕНИЙ с приложением стенной таблицы 10 схем нормальных уроков. Составлено А. А. Крадманом, ц. 40 коп.

ЛЕГКАЯ АТЛЕТИКА с приложением 2-х стальных таблиц (70 рис.). Составлено А. А. Тивановым, ц. 65 к.

ЗАЩИТА И НАПАДЕНИЕ методическое руководство по борьбе, боксу, фехтованию и стрельбе (75 рис.). Составлено: В. Н. Короновским и М. А. Яковлевым под общ. ред. В. Н. Короновского, ц. 1 р. 75 к.

По заказам советских, партийных, профсоюзных организаций и книжных магазинов ПРЕДОСТАВЛЯЕТСЯ СКИДКА

Наложным платежом книги не высылаются || Пересылка за счет издательства

ЗАКАЗЫ И ДЕНЬГИ НАПРАВЛЯТЬ: Москва, Тверская, 48. Гл. К-ра „Известий ЦИК“

С картины Александра Иванова.

(Госуд. Третьяковская галерея).

„Купающиеся мальчики“